

Уральский
федеральный
университет
имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина
Уральский гуманитарный
институт

SCHOLIA STUDIORUM IV:

*пространство исторического
нарратива*

*ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ
Всероссийской научной конференции
молодых антиковедов и медиевистов*

*Екатеринбург
7-8 апреля 2023 г.*

Уральский
федеральный
университет
имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина
Уральский гуманитарный
институт

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА

SCHOLIA STUDIORUM IV:

*пространство исторического
нарратива*

*ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ
Всероссийской научной конференции
молодых антиковедов и медиевистов
Екатеринбург, 7–8 апреля 2023 г.*

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2023

УДК 94(100)(063)

ББК ТЗ(0)я43

S 36

S 36 *SCHOLIA STUDIORUM IV: пространство исторического нарратива*: тез. докл. Всерос. науч. конф. молодых антиковедов и медиевистов. Екатеринбург, 7–8 апреля 2023 г. / под ред. Н. Э. Жигаловой. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. — 56 с. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-7996-3746-0

Издание содержит тезисы докладов и сообщений Всероссийской конференции молодых антиковедов и медиевистов, проходившей в Уральском федеральном университете 7–8 апреля 2023 г. Представлены результаты исследований по таким проблемам, как интерпретация исторических источников, взаимоотношения власти и общества, человек в социальном пространстве, опыт межкультурных конфликтов и контактов.

Для студентов и специалистов, интересующихся актуальными подходами к изучению древней и средневековой истории.

УДК 94(100)(063)

ББК ТЗ(0)я43

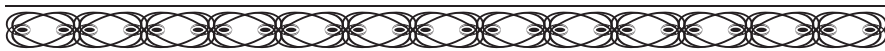
На обложке:

Геоцентричная картина мира. Миниатюра из рукописи.
Ватиканская апостольская библиотека. Ватикан. <http://digital.vatlib.it/>

В оформлении сборника использованы графические материалы сайтов:
<http://ru.freepik.com>, <http://www.webdesignhot.com/>

ISBN 978-5-7996-3746-0

© Уральский федеральный университет, 2023

РАЗДЕЛ I

ДРЕВНИЙ МИР

М. С. Апенко

*аспирант, младший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
(г. Москва)*

ЗАБОТА О СВЯЩЕННЫХ ЖИВОТНЫХ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОПАГАНДЫ В ЕГИПТЕ ПТОЛЕМЕЕВ

Культы священных животных были важным элементом религиозной жизни Египта в позднюю эпоху¹. Стоит оговорить, что точнее их будет назвать «божественными животными» или «животными-божествами», т. е. животными, которые являются воплощением сущности (силы – «ба») божества на земле². Забота об этих животных являлась важным элементом деятельности царя.

Стоит рассмотреть, как и с какой целью идея заботы о священных животных использовалась правителями династии Птолемеев в их официальных текстах. Можно выделить два сюжета: о кошунстве царя Артаксеркса III во время 2-го персидского владычества и об особой заботе о священных животных царями династии Птолемеев.

Сюжет о кошунствах Артаксеркса III сохранился в античной традиции в двух вариантах: Артаксеркс съедает Аписа и священное животное Мендеса и сам оказывается съеден; Артаксеркс приносит Аписа в жертву ослу (т.е. Сету)³. По всей видимости, эти сюжеты являются фиктивными и возникли в период сатрапии Птолемея⁴. Основной задачей этого сюжета было показать, что внешний мир и его правители представляют особую угрозу Египту⁵. Есть основания полагать, что топос сохранил свое значение и для его преемников. Так, в мендесской стеле времени Птолемея II сообщается, что царь восстановил храм Банебджета (т. е. священного барана Мендеса) после его разрушений врагами (Urk. II. 38.4-38.16). Под врагами имеются в виду персы, а сообщение могло быть отсылкой к сюжетам о бесчинствах Артаксеркса III.

Второй сюжет посвящен особой заботе царей о священных животных. Начиная с правления Птолемея II тема заботы регулярно появляется в текстах официальной пропаганды. Мендесская стела Птолемея II, целиком посвящена заботе

царя о священном баране Мендеса⁶. Последующие цари обязательно сообщают в декретах о своей заботе по отношению к Апису, Мневису и другим священным животным. Ранее этот сюжет никогда не был так популярен в официальных текстах⁷. Возникает вопрос, почему для Птолемеев это становится так важно?

Думается, это связано с необходимостью Птолемеев поддерживать свой легитимный статус в глазах египетского жречества. Такая необходимость возникла из-за того, что Птолеми не исполняли основные функции египетских царей-ритуалистов, т. е. не участвовали в традиционных египетских ритуалах и не проходили обрядов коронации⁸. В таких условиях цари использовали внешние формы царского благочестия, которые были понятны и греко-македонскому населению, со времен Геродота знакомому с ролью священных животных для Египта (Herod. II.65-76; III. 29), и египтянам.

Примечания:

¹ Kessler D. Tierische Missverständnisse: Grundsätzliches zu Fragen des Tierkultes // Tierkulte im pharaonischen Ägypten und im Kulturvergleich. Berlin, 2003. S. 33–69.

² Kessler D. Die heiligen Tiere und der König. Wiesbaden, 1989. S. 12–15.

³ Ладынин И. А. Античная традиция о кощунствах Артаксеркса III против священных животных и вопрос о ее датировке // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 4. Сборник научных трудов Сергеевских чтений на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. М.; СПб., 2019. С. 6

⁴ Ладынин И. А. Античная традиция... С. 12–13.

⁵ Там же. С. 15–16.

⁶ Кроме восстановления храма в тексте сообщается о помощи царя в организации поисков нового священного барана после смерти предыдущего (Urk. 48.4-49.12).

⁷ Quack J. F. Innovations in Ancient Garb? Hieroglyphic Texts from the Time of Ptolemy Philadelphus // Ptolemy II Philadelphus and His World. Boston; Leiden, 2008. P. 286.

⁸ Barta W. Thronbesteigung und Kronungsfeier als unterschiedliche Zeugnisse königlicher Herrschaftsübernahme // Studien zur altägyptischen Kultur. Hamburg, 1980. Bd. 8. S. 33–53; Ладынин И. А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М.; СПб., 2016. С. 266–267.

А. В. Джуган

студент 5 курса

Пермский государственный

гуманитарно-педагогический университет

(г. Пермь)

АГОН В АНТИЧНОЙ МЕДИЦИНЕ: СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ВО ВРАЧЕВАНИИ В ПОИСКЕ ПАЙДЕЙ

Считается, что агон активно проявлялся только в спортивных соревнованиях, театральных и музыкальных состязаниях. Однако действие агона недооценено в античной медицине. Согласно Диодору Сицилийскому, первое столкновение лучших во врачевании произошло в момент возвеличивания медицинского искусства Асклепием. Аида возмутило то, «что власть его все уменьшается, поскольку умирающих становится все меньше, так как Асклепий исцеляет их»¹. Итогом

становится поражение лекаря молнией Зевса, что олицетворяет метафорическую борьбу жизни и смерти.

Но и жизнь, и космос составляли борьбу, которую Хейзинга называет «агональным моментом раннего любомудрия»². Все сущее делилось на противоборствующие части, составлявшие гармонию: у Эмпедокла – «огонь, вода, земля и воздух, и еще Любовь, которой они соединяются, и Распря, которой они разделяются»³; у Алкмеона – «белое-черное, сладкое-горькое»⁴. Философские категории перешли в медицину: Косская школа сформулировала гуморальную теорию, провозглашавшую, что тело «содержит в себе кровь, слизь и желчь, желтую и черную»⁵. Баланс соков сулил здоровье, а превалирование одного из них – болезнь.

Врачи-эмпирики, объявлявшие себя оплотом опыта и разума, не воспринимали всерьез другие течения медицины, продолжая соперничество в медицинских школах, где велось негласное соревнование за право новаторства в теории и практике. Геродот (Herod. III. 131), описывая Элладу до греко-персидских войн, отмечает: «Это было время, когда кротонские врачи считались первыми на Элладе, а киренские – вторыми»⁶. Врачи из Кротона ценились как профессионалы и часто служили придворными лекарями у персов. Книдская школа, славящаяся традицией скрупулезного описания, тяготела скорее к Египту, чем проигрывала Косской – с комплексным подходом в лечении. Ее предводитель – Гиппократ, получив невиданную славу, в диалоге Платона «Протагор» был поставлен в один ряд с гениями ваяния – Фидием и Поликлетом.

Плиний (Plin. XXIX. V. 11) упоминает споры врачей у кровати больного, «где ни один врач не хочет сделать уступки ни одному из других, дабы не признать его превосходства»⁷. Это объясняется желанием быть лучшим врачом и получить похвалу, гарантированную в «Клятве». Высокий образ лекаря предвосхищен мифом об Асклепии, о котором известно, что он обладал природными дарованиями и «ревностно занимался наукой врачевания»⁸. Однако среди врачей имело место выставление себя напоказ в дешевых попытках обрести авторитет: Лукиан, говоря о наглости целителя, писал, как мошенник «счел возможным приравнять себя Пифагору»⁹.

Таким образом, античная медицина была чувствительна к агональным настроениям и в связи с этим переживала два условных состояния: деструктивное – отрицание исконного смысла агона с желанием врача получить славу ради славы; созидательное в форме пайдеи, т. е. научения лучшим качествам во время борьбы за звание лучшего.

Примечания:

¹ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / пер. О. П. Цыбенко. М., 2000. С. 70.

² Хейзинга Й. Человек играющий / пер. Д. В. Сильвестрова. СПб., 2022. С. 169.

³ Лебедев А. В. Фрагменты ранних греческих философов. Л, 1989. Т. 1. От эпических

теокосмогоний до возникновения атомистики. С. 335.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ Гиппократ. Избранные книги / пер. В. И. Руднева. М., 1936. С. 198.

⁶ Геродот. История / пер. Г. А. Стратановского. СПб., 2021. С. 264.

⁷ Плиний Старший. Естественная история. URL: http://annales.info/ant_lit/plinius/29.htm (Дата обращения: 01.04.2023).

⁸ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / пер. О. П. Цыбенко. М., 2000. С. 70.

⁹ Лукиан из Самосаты. Избранное / пер. И. Нахова. М., 1962. С. 115.

Е. С. Зайцева

к.и.н., старший преподаватель

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ РЕПУТАЦИИ ПОСЛЕ *DAMNATIO MEMORIAE* В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ (ПРИМЕР НИКОМАХА ФЛАВИАНА)¹

Инструмент *damnatio memoriae* («проклятие памяти») известен в Древнем мире как форма посмертного наказания, применяемая к людям, обвиненным в тяжких государственных преступлениях, – узурпаторам или императорам, недостойно относившимся к сенату (НА 19.1; 26.2–4; 31.5). Однако оно не обязательно было бессрчным, у пострадавшего или его родственников имелись возможности восстановления репутации².

Вирий Никомах Флавиан – состоятельный и знатный аристократ второй половины IV в., являлся ярким сторонником традиционной римской религии. В надежде на реставрацию языческих культов в государстве он поддержал узурпатора Флавия Евгения (392–394), бывшего чиновника, дослужившегося до высокой должности *magister scrinorum*, и после смерти императора Валентиниана II, захватившего власть на Западе. 6 сентября 394 г. между узурпатором и его сторонниками, с одной стороны, и законным императором Феодосием I, правившим на Востоке, с другой, состоялась битва, в результате которой узурпатор потерпел поражение. Никомах Флавиан покончил с собой, вероятно, не помышляя отказываться от традиционной веры, а также опасаясь, что Феодосий I накажет его за поддержку узурпатора.

Опасения Флавиана подтвердились. Его сын, Флавиан Младший, после политического просчета отца хотя и занимал высокие должности (CIL VI.1783), но только с 399 г.: был префектом Рима, сначала между 399–400 гг. (Symm. Ep. VII.104), а затем в 408 г. (CTh. II.15.2), в 414 г. расследовал дела, связанные с поставкой анноны (CTh. XI.1.36; VI.23.3), в 431–432 гг. занимал должность преторианского префекта Италии, Иллирика и Африки (CTh. II.15.2). Иными словами, после пятилетнего перерыва (394–399 гг.), Никомах Флавиан Младший был допущен к высшим должностям и оставался на них до 432 г.

Пауза в карьере Вирия Никомаха свидетельствует о том, что он находился в немилости у правителя, который, помимо прочего, обязал Никомаха вернуть

средства, выплаченные его отцу в качестве заработной платы во время незаконной префектуры (Symm. Ep. IV.4). Весомую роль в восстановлении репутации своего родственника сыграл Квинт Аврелий Симмах³. Сохранилось несколько посланий оратора, написанных в период с 396 по 397 г. (Symm. Ep. IV.2, 5; V.5, 6; VI.10, 30, 36, 52, 56, 59, 63).

Первое письмо было написано в 395 г. и адресовано Протадию, будущему римскому префекту, не занимавшему никакой должности, но находившему при дворе императора в Медиолане. В своем послании Симмах описал суровые испытания, выпавшие на долю Никомаха, а также выразил просьбу «пощадить разрушенный дом». Возможно, Симмах намекал на неформальные каналы влияния на императора, доступные Протадию, или же на то, чтобы галльский аристократ сам при случае замолвил слово перед императором.

Симмах адресовал аналогичную просьбу и действующему префекту Рима Флорентину: «Я знаю, что вы делаете все возможное для спасения иллюстрия Флавиана». Из этой фразы следует, что Симмах уже провел предварительную работу по реабилитации Никомаха, и что прежде по крайней мере однажды оратор уже обращался с подобной просьбой к Флорентину.

Еще одним адресатом Симмаха являлся давний знакомый оратора Феликс. Письмо, адресованное Феликсу, содержит уже не просьбу, а благодарность. Из него следует, что долги Никомаха были прощены, и Феликс во многом поспособствовал этому: «Вы являетесь источником благоприятных для меня слухов, и эта милость не единственная, за которую я чувствую себя обязанным Вам...».

Итак, важным каналом как обретения репутации, так и ее восстановления после *damnatio memoriae* являлось обращение к влиятельным друзьям с просьбой об оказании посильной помощи и содействия. Иногда в таких посланиях содержалось прошение обратиться к кому-то, обладающему большими полномочиями.

Примечания:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

² Подробнее о *damnatio memoriae* с поздней Античности, см.: Hedrick Ch. W. History and Silence. Purge and Rehabilitation of Memory in Late Antiquity. Austin, 2000. 338 p.

³ Флавиан Никомах также постарался заслужить прощение императора, приняв христианство (Aug. Civ. Dei 5.26).

Ю. Д. Исмаилова

студент 4 курса

Челябинский государственный университет,

(г. Челябинск)

ЗАПАДНО-РИМСКИЕ КОНСУЛЯРИИ КАК ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ О СМЕРТИ ГРАЦИАНА ДЛЯ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ИСТОРИКОВ

Сообщения об узурпации Максима и смерти Грациана 383 г. в работах западно-римских историков имеют множество сюжетных и лексических параллелей.

Большинство таких сочинений, вероятно, создавалось с опорой на погодные записи консулярий, представляющие собой консульские списки с актуальной исторической информацией. Посредством компаративного анализа дошедших до нас сообщений были получены следующие выводы:

Во-первых, запись о гибели императора отсутствует в хронике Идация ввиду использования галисийцем редакции Константинопольских консулярий, в которой не было зафиксировано данное событие. Упоминание об узурпации власти Максимом взято галисийцем из источника, сообщающего о ереси Присциллиана.

Во-вторых, Марцелин Комит при работе над своей хроникой использовал два независимых консульских списка. Первый является копией одной из редакций Константинопольских консулярий, оканчивающейся на 395 г. Второй – ранним списком Венских фаст или их протоисточника. Сообщение о смерти Грациана и узурпации власти должно содержаться в обоих используемых историком сочинениях, но Марцелин опирается в данном случае на Венские фасты. Хронист отдает предпочтение в пользу более краткого варианта, но содержащего точную дату и место смерти Грациана, вероятно, исходя из собственных целей написания хроники, где основной фокус повествования сосредоточен на восточных событиях и истории Константинополя.

В-третьих, сообщения Проспера Аквитанского, Галльской хроники 452 г., Галльской хроники 511 г., Орозия и Эпитомы о цезарях сложнее по составу. В повествовании о смерти Грациана их записи восходят к более поздней редакции источника «Церковной истории» Руфина Аквилейского, в отличие от той, что использовал сам Руфин. Текст той версии, что использовалась упомянутой группой авторов, содержит больше подробностей о событиях 383 г. так как был, вероятно, расширен при последующей галльской редакции не позднее конца IV в.

Таким образом, при рассмотрении дошедших до нас западных сообщений о гибели Грациана и возвышении Максима было выявлено две традиции. Одна из них сформировалась на основе источника Руфина Аквилейского в Галлии, другая восходит к италийскому летописанию и Венским фастам. Создание первой из них, вероятно, можно локализовать в месте, где была составлена Галльская хроника 452 г. в силу того, что для раннего материала этой хроники использовался единственно галльский летописный материал, в отличие от других рассмотренных нами текстов, где присутствуют следы италийской традиции или Константинопольских консулярий.

Е. И. Мирошниченко
независимый исследователь
(г. Санкт-Петербург)

**БЕЖАТЬ НА КИФЕРУ ИЛИ ОЖИДАТЬ ВАРВАРОВ:
ΠΡΟΑΙΡΕΣΙΣ ΣΙΝΕΣΙΑ ΚΙΡΕΝΣΚΟΓΟ В СИТУАЦИИ КРИЗИСА
ΠΟΖΔΝΕΑΝΤΙΧΝΟΓΟ ЭЛЛИΝΙΣΜΑ**

В 412 г. Синесия Киренского посвящают в епископа Птолемаиды. Для него это событие было связано с мучительным осознанием необходимости делать выбор

между побегом из Ливии и героическим противостоянием кочевникам-берберам.

Синесий не отказывается прямо от епископства, но молится о том, чтобы для него «это дело не оказалось отступлением от философии, но восхождением к ней» (Ер. 96.6–7). Избрание епископом он соизмеряет со своим философским мировосприятием, с концепцией истинной философии и соответствующим отношением к практической деятельности. Истинный философ не отрицает общественное дело, но стремится согласовать свою степень вовлеченности в него с созерцательным образом жизни. Соответственно, он должен продемонстрировать символический отказ от активной публичной деятельности в пользу созерцания, но в то же время не может вовсе отказываться в действительности от общественного служения, поскольку философия должна приносить пользу. Синесий пишет: «Если возможно будет сочетать его (т.е. священство) с философией, я приму его; а если окажется, что оно несовместимо с моим образом жизни и принципами (προίρεσιν), то что иное останется мне, если не отправиться морем в славную Грецию? Ибо если я откажусь от священства, то потеряю и отечество, став человеком в высшей степени презренным и проклятым, и окажусь в толпе, распалённой ненавистью» (Ер. 96.17–23).

Одна деталь свидетельствует, что перед нами не только игра в бегство от общественного служения: Синесий демонстрирует страх подвергнуться ostracism и «потерять отечество». Эта весьма странная формулировка обычно интерпретируется как страх оказаться подвергнутым социальному осуждению за бегство от общественного служения (подобному осуждению подвергались, например, куриалы, избегавшие выполнения литургий, которых от них ожидал народ). Однако в свете таких текстов, как Катастасис I и Катастасис II, эти слова можно понять в том смысле, что Синесий не получит инструменты для защиты Пентаполя от варваров, и тогда он утратит отечество и разочарует пентапольцев, которые возлагали на него надежды по защите своих земель. Все предприятие рукоположения Синесия представляется попыткой усилить защиту Киренаики от варваров. Действительно, в Катастасисе I Синесий сообщает, что не выбирал аполитичной философии, но и не следовал религии без гуманизма (Cat. I.1.1.). Иначе говоря, несмотря на свое стремление к созерцанию, он понимал, что гуманизм и общественное, политическое служение лежат в основе истинной философии. Отсюда он восхваляет защитников Пентаполя и ратует за общее благо (κοινὸν ἀγαθόν) (Cat. I.1.3). Еще более ясен в оценке ситуации второй Катастасис, в котором Синесий жалуется на фактическую гибель Пентаполя, сообщает о разрушенных варварами святилищах и церквях (Cat. II.3.3–4). Там же Синесий опять говорит о бегстве, причем в той же манере, что и в цитированном выше письме к Олимпию. Синесий говорит, что не может бежать в Египет¹ (очевидно, не в последнюю очередь из-за того, что он епископ, и бросив своё служение, будет вызывать нарекания начальства, к тому же там он известная личность). И тут совершенно неожиданно Синесий предлагает решение, достойное романтиков XIX века: бежать на остров Киферу, ведь там никто не знает о его аристократическом происхождении, и Синесий будет выглядеть там обычным чужестранцем (Cat. II.4.1).

Следует заметить, что Кифера находится недалеко от исторической родины Синесия – Спарты, и в некотором смысле этот «побег» может быть интерпретирован как историческое возвращение на родину предков. В конце Катастасиса II Синесий сообщает, что размышляет о бегстве и свободе накануне решительной битвы с варварами (в которой, не исключено, что он и погиб) (Cat. II.6.2). Однако он не собирается бежать: «я останусь на посту» (Cat. II.6.3), говорит он решительно. Живым буду в осаде, мертвым упокоюсь, ведь, говорит он, «я служитель Бога» (λειτουρὸς εἶμι τοῦ θεοῦ). Характерно, что Синесием используется именно термин литургист, т.е. человек, выполняющий литургию, общественную повинность, и поскольку очевидно, что речь идет не о совершении богослужения, мы понимаем, что Синесий подчеркивает характер своей епископской деятельности, как общественного служения. Любопытно, что и последние строки Катастасиса отсылают к эллинизму: Синесий пишет, что бог позаботится о том, кому подобает пайдеей (παῖδεία πρέπει) (Cat. II.6.3). То есть единство созерцательной философии и общественного (в данном случае епископского) служения в мировоззрении Синесия полностью эллинизируется и становится результатом пайдеи, истинным последователем которой наш герой и оказывается. Таким образом, перед нами образ единства мировоззрения Синесия, его епископство становится формой служения эллинизму и восхождением к философии.

Примечания:

¹ В одном из писем к Гипатии он, правда, писал, что готов сбежать к ней в Александрию от всех своих бедствий (Ep. 124.12–14).

Э. Р. Низамова

магистрант 1 года обучения

Челябинский государственный университет

(г. Челябинск)

**ЗАПАХ КАК КОД СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВ
ДРЕВНИХ АФИН (ПО КОМЕДИЯМ АРИСТОФАНА)**

Современная конъюнктура, сформированная поворотами в гуманитарных науках, благоволит историку исследовать то, что ранее вытеснялось из исследовательского поля. В частности, одним из таких направлений является аспект культурной истории, связанный с сенсорным опытом и чувственным восприятием эпохи. В докладе внимание будет сконцентрировано на феномене ольфакции. Предметом изучения станет конструирование «городской» и «сельской» идентичности в афинском полисе через запахи.

Гипотеза, которой мы будем придерживаться, состоит в том, что обоняние само по себе явление физиологическое, но процесс наделения символическими значениями запахов происходит внутри определенной культуры, вследствие чего возникает необходимость рассматривать заявленный феномен, исходя из представлений и мироощущений сообщества, в нашем случае общины афинского полиса¹. Основным инструментарием для исследования станет лингвистический и

семантический анализ комедий Аристофана, в ходе которого мы остановимся на поиске референций запахов и запаховых ассоциаций.

В результате исследования получены следующие выводы:

Аристофан довольно часто указывал на запахи при описании «благоухающей деревни» и «миазматического города». Ольфакторно образ сельских жителей выстраивается через восприятие селянами непривычного для себя пространства – города, городских жителей – деревни.

Для аристофановских персонажей, обремененных условиями Пелопонесской войны, «миазматическим» и «чужим» выступает образ город и его жители, заседавшие в народном собрании. При этом проявляется своеобразное ольфакторное «я» обоняющего субъекта. Комедиографом рисуется образ старца-земледеца, жившего до войны в своей «чудесной» деревне, «среди пчел, вина, оливок и овечьих стад» (Aristoph., *Nubes* 45), от которого «... воняло сеном, стойлом и недостатками...» (Aristoph., *Nubes* 42–55). Тем самым Аристофан описывает чувственно-материальный, обонятельный космос, который оказался разрушен, и теперь земледелец вынужден переселиться в большие Афины, что стало катализатором его эмоциональных переживаний. Город пахнет горьким дымом (Aristoph., *Vesp.* 146), укусом и углями (Aristoph., *Ach.* 33–35), гнилой дублёной кожей – все это, вызывает дискомфорт у селянина.

Новые обонятельные впечатления оказываются результатом работы заседателей-сутяжников, которые разожгли войну и навели на «фиалковенчанные» Афины тяжёлые испытания. Город кажется противным и опасным селянину по двум основаниям. Во-первых, его жители, влияющие на политическую повестку, не желают заключить мир, и «портят» воздух своими пустыми речами (яркие метафоры этого можно найти в комедии «Мир»: ст. 1–50, где навоз, которым кормят жука можно интерпретировать именно с действиями политиков в отношении народа), таким образом мешают поддержанию привычного образа жизни других полисных жителей. Во-вторых, селянину непривычно обитать в крупном, многонаселённом, от того и тесном поселении: «Скорей в деревню из Афин! Давно уж мы забыли, что значит вымыться за грош и отдохнуть на воле...» (Aristoph., *Agric.* 109). Деревня выступает антагонистом в борьбе за мир, тишину, ассоциируется со сладким запахом цветка, масличного дерева, раскидистых платанов. Запахи здесь изображают людей, вынужденно вытесненных с привычных мест обитания и выступают как симптомами внутренней тревоги, нервозности, состояния лиминальности.

Примечания:

¹ Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*. London. 2004. P. 3.

М. А. Рубцов

студент 2 курса

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

МЕДИОЛАН КАК ХРИСТИАНСКАЯ СТОЛИЦА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ IV В.: ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБЛИК

В работе проанализировано изменение визуального облика позднеантичного города Медиолана под влиянием распространения христианства в IV в.

Столичный статус Медиолан приобрел в конце III в., когда стал столицей тетрарха Максимиана (285–305). Уже в следующем столетии Медиолан играл заметную роль в политической жизни Римской империи, в частности, именно там в 313 г. между императорами Константином и Лицинием был заключен Медиоланский эдикт. Согласно эдикту, христианство получило равный статус с иными религиями. С этой поры в отсутствие гонений со стороны государства христианство стремительно распространялось, в том числе, и среди высших лиц государства. В связи с этим, в дополнение к высокой политической роли, Медиолан приобрел еще и религиозное значение. Именно там император Констанций II (337–361) организовал два поместных церковных собора 346 г. и 348 г. Итогом соборов являлось укрепление позиций Медиоланской церкви в Италии¹.

В правление императора Феодосия I Великого (379–395) Медиолан и вовсе стал одной из христианских столиц, по крайней мере западной части империи. Должность епископа города в 374–397 гг. занимал Амвросий Медиоланский. Свой высокий религиозный статус город подтвердил в результате проведения там очередных соборов. Амвросий организовал в Медиолане два поместных церковных собора 380 г. и 393 г.

Амвросий Медиоланский стремился и визуально превратить Медиолан в христианскую столицу западной части Римской империи. В первую очередь в городе было построено несколько новых церковных зданий. Храмы строились за пределами города, вдоль основных дорог, ведущих в Медиолан².

Наиболее ранним христианским храмом Медиолана является базилика *Vetus* (Старая базилика), строительство которой началось в 314 г. Именно этот храм, стал местом проведения поместного церковного собора 346 г. Около 350 г. в городе на месте языческого храма богини Миневры была построена базилика Санта-Текла или базилика *Novus*, в которой был проведен поместный церковный собор 355 г. Храм был довольно вместительным, тогда он смог принять более 300 человек³. При епископе Авксентии около Санта-Теклы планировалось еще и строительство баптистерия, поскольку Старая базилика принадлежала ортодоксам, а Новая базилика – арианам, и арианский храм нуждался в собственном баптистерии. Уже при Амвросии Медиоланском обе эти базилики перешли во владение ортодоксов⁴.

Еще одним из христианских храмов, также построенных при Амвросии Медиоланском, являлся Сан-Лоренцо или Порцианская базилика⁵. Также при Амвросии была основана базилика *Martyrum* (базилика Святых Мучеников), сооруженная на месте погребения христианских мучеников Хрисанфа и Дарьи. Впоследствии после канонизации епископа базилика была переименована в Сант-Амброджо⁶.

Помимо храмов в городе был построен мавзолей христианского императора Валентиниана II (375–392), а также в Медиоланский собор Амвросием были помещены мощи св. Назария, а в Сант-Амброджо мощи христианских мучеников Гервасия и Протасия.

Таким образом, в IV в. Медиолан являлся значимым городом в политической и религиозной жизни Римской империи, став при епископе Амвросии Медиоланском христианской столицей. Визуально этот статус выражался в строительстве в городе ряда христианских храмов, баптистериев и мавзолеев.

Примечания:

¹ Митрофанов А. Ю. История церковных Соборов в Италии (IV–V вв.). М., 2006. С. 119–126.

² Краутхаймер Р. Три христианские столицы. Топография и политика. М.; СПб., 2000. С. 85.

³ Там же. С. 83.

⁴ Амвросий Медиоланский, свт. Собрание творений: на латинском и русском языках. Т. IV. Ч. 2. Письма 54–77. М., 2015. С. 287–289.

⁵ Там же. С. 283.

⁶ Заиграйкина С. П. Амвросий. М., 2001. С. 119–120.

М. А. Симаков

магистрант I года обучения

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

(г. Москва)

ГАЛЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ АЛЛОБРОГОВ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ МЕЖДУ ЦЕЗАРИАНЦАМИ И ПОМПЕЯНЦАМИ

После прошедшей галльской войны Цезарь в благодарность даровал аллоброгам латинское право (*Dig. L.XV.VIII.1*). А. Пеллетье определяет это событие ок. 50 г. до н. э.¹ Засветившиеся еще в галльских кампаниях вожди аллоброгов Роукилл и Эг, «чрезвычайно храбрые люди» (*Caes. BCiv. III.59*), показали себя и во время гражданской войны Цезаря. Однако воровское управление своими сородичами дало о себе знать и «навлекло на них всеобщую ненависть и презрение» (*Caes. BCiv. III.60*). Опасаясь, что их наказание лишь отсрочено, два брата в конце концов перешли на сторону Помпея (*Caes. BCiv. III.60; Cass. Dio. XLIII.XXX.3*) в Диррахии незадолго до битвы при Фарсале (48 г. до н. э.).

Согласие между столицей аллоброгов Виенной и Римом едва не было разрушено из-за инцидента, который мог показаться актом восстания против Рима – изгнания римских граждан, поселившихся в 46 г. до н. э. После двух лет трудного совместного проживания римские граждане были изгнаны и бежали к месту

слияния рек Рона и Сона, в Лугдунум (Cass. Dio. XLVI.L.4–6). Тем не менее, это событие никоим образом не изменило хороших отношений, которые аллоброги поддерживали ранее с Римом через Цезаря. Вероятно, из-за того, что время было политически беспокойным, Рим или не захотел наказывать мятежников, или попросту не смог из-за внутренних проблем. Тем более что вскоре после этого Виенна восстановила свою военную роль и снова утвердилась в верности Риму, как была верна Цезарю до того, как братья-аллоброги предали его.

На самом деле правильнее говорить о верности аллоброгов человеку, который на месте представлял римскую власть, а именно новому наместнику Галлии Мунацию Планку. Так, в Виенне был расквартирован всаднический отряд Планка (Cic. Fam. X.9.3). Это может означать, что Планк, опираясь на прецедент Цезаря, создал в том же месте один из лучших военных форпостов. С другой стороны, возможно, что жизнеспособность лагеря поддерживалась, если не все годы с 52 по 43 до н. э., то с тех пор, как римские граждане поселились в Виенне, то есть с 46 по 43 гг. до н. э. Мунаций Планк, который незаконно перемещался по территории провинции, наместником которой он не был, выбрал столицу аллоброгов Виенну в качестве стратегической базы для военных кампаний, которые он проводил в Южной Галлии. Кроме того, как и во времена Цезаря, аллоброгские вспомогательные войска сопровождали легионы Планка (Cic. Fam. XI.13a. §§ 4–5).

Один эпизод войны показывает, как сильно искали союза с аллоброгами, что является еще одним свидетельством силы, признанной даже римлянами. В письме Цицерону от 6 мая Брут, который тогда бросил вызов Планку, объявил последнему, что он связался с вождями аллоброгского племени и всей Галлии, чтобы убедиться в их верности (Cic. Fam. XI.11.1). Примечательно, что единственное племя, которое называет Брут в своем письме, – это аллоброги. При этом Брут определяет важность лишь одного племени аллоброгов в той же степени, как и всех народов Галлии вместе взятых. Таким образом, оставив свои интересы и фактически не вступая в отношения ни с одной из конфликтующих сторон, мотивы которых они, вероятно, могли не совсем правильно понять, аллоброги встали на сторону Сената всего лишь потому, что войска Планка расположились лагерем на их территории.

Примечания:

¹ Pelletier A. Vienne antique: de la conquête romaine aux invasions alamanniques, IIe siècle avant-IIIe siècle après J.-C. Roanne, 1982. P. 32.

Н. В. Солопов

магистрант 1 года обучения

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(г. Москва)

ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕНАТА В СОЧИНЕНИИ ДИОНА КАССИЯ «РИМСКАЯ ИСТОРИЯ»

Дион Кассий, историк начала III в. н. э., находившийся долгое время на сенаторской службе, уделяет деятельности Сената в своей «Римской истории» значительное место¹. Историк создавал свой труд в период политической нестабильности эпохи Северов и входил в круг советников (*consilium principis*) императора Александра Севера, что привело исследователей к выводу о присутствии морализаторства и поучительства в труде историка².

Можно выделить четыре особенности нарратива о деятельности Сената у Диона Кассия. Первая и, пожалуй, самая важная связана с превознесением роли Сената в различных событиях и награждением сенаторов превосходными характеристиками. Например, при описании событий в Капуе времен Второй Пунической войны Дион Кассий передает эпизод, когда запертых в курии сенаторов выводили к народу и предлагали избрать новых. Народ не смог этого сделать и отпустил сенаторов (*Cass. Dio XV. 9, 2, Zon.*). Исследователи, в частности А. Махлаюк, подчеркивали следование Дионом ливийской традиции³, однако в этом фрагменте он отходит от нее. В отличие от Тита Ливия, он не называет имени человека, а говорит лишь о «некоем человеке из толпы» (*τις ἐκ τοῦ πλῆθους*). Если Ливий подчеркивает смирение народа перед властью и то, что лучше терпеть уже знакомый гнет, чем самим выбирать новый (*Liv. XXIII. 3.14*), то Дион называет сенаторов «незаменимыми» (*ἀναγκαίους*), делая акцент на том, что важно само сенаторское управление, найти аналоги которому невозможно (*Cass. Dio XV. 9, 2, Zon.*). Это позволяет говорить о выстраивании Дионом своего нарратива именно с целью показать необходимость функционирования Сената.

Вторая особенность – это изображение действий сенаторов как приводящих к гибели некоторых политиков. Например, в 44 книге Дион приводит пространный комментарий по поводу различных почестей, которыми сенаторы одаривали Цезаря (*Cass. Dio XLIV. 3, 2*). Дион, не отрицая, что Цезарю не хватало умеренности, все же большую степень вины возлагает на сенаторов, которые чрезмерно одаривали его почестями, а затем сами обвинили в напыщенности и высокомерии, что и привело его к гибели.

Третья особенность нарратива о Сенате связана с выражением отношения к императору через описание реакции сенаторов (особенно в книгах, посвященных времени Диона). Например, во время игр при императоре Коммоде сенаторы, вместо того чтобы испугаться отрубленной головы страуса и окровавленного меча, продемонстрированных им самим Коммодом, лишь посмеялись над императором (*Cass. Dio. LXXII. 21.2, Xiph.*). Такой анекдотичный случай⁴ красноречи-

во показывает отношение сенаторов к правителю.

Наконец, последняя особенность – это комментарии историка насчет тех или иных действий Сената. Например, внезапное решение сенаторов в правление Тиберия давать клятву не всем вместе, а каждому отдельно Дион, будучи сам сенатором, называет «наинелепейшим делом» (ὑεροϊότατον πράγμα) и расценивает как акт лести перед Тиберием с целью добиться его снисхождения, поскольку это никак не повлияло на функционирование и деятельность самого Сената (Cass. Dio LVIII. 17.1–2).

Примечания:

¹ Марков К. В. Деятельность римского сената как фактор политической нестабильности в «Римской истории» Диона Кассия // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. 2018. Т. 45. № 4. С. 630.

² Hose M. Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart, 1994. S. 408.

³ Махлаюк А. В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. А. В. Махлаюка. СПб., 2011. С. 434.

⁴ Подробнее об анекдотах у Диона см.: Schmidt M. G. Anekdotisches in Cassius Dios Zeitgeschichte // Museum Helveticum. 2000. Vol. 57. № 1. S. 20–35.

РАЗДЕЛ II

СРЕДНИЕ ВЕКА

Т. Е. Белорусова
ассистент

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)*

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГРЕЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АХЕЙСКОМ КНЯЖЕСТВЕ (XIII–XIV ВВ.)¹

Латинское завоевание начала XIII в. оказало сильное влияние на весь регион Восточного Средиземноморья, включая территории полуострова Пелопоннес. Установление латинской социально-правовой стратификации в Ахайе породило наиболее важные изменения на этих территориях². Согласно «Морейской хронике», за греческими архонтами равнинной части Пелопоннеса, согласившимися на сотрудничество с завоевателями, сохранились их владения, а также им было гарантировано уважение к их религиозным обычаям³. Эти сведения перекликаются с данными Ассиз Романи⁴ – свода законов, в котором также уделено внимание правам греческого населения. В большей мере в источнике отражены вопросы отношений внутри правящего слоя землевладельцев.

Согласно ассизе 138, помимо сохранения за греками прав на их имущество, были сохранены и византийские правила наследования⁵. Тогда как франки запрашивали инвеституру в течение сорока дней или самое большее в течение года после смерти предыдущего землевладельца, для греческого населения таких ограничений не было⁶. Земельное пожалование греческому землевладельцу, кроме того, не могло быть отозвано ни наследником, ни преемником дарителя⁷. Эти примеры подтверждают обязательство соблюдения франками обещаний уважать византийские традиции и подчеркивают сосуществование двух правовых систем в пределах княжества. Находясь на низших ступенях феодальной иерархии, греческие землевладельцы Ахейского княжества сохранили свои права и, судя по всему, избежали явных притеснений и сегрегации.

Что касается простого греческого населения и зависимых крестьян, то они оказались в более сильном подчинении от землевладельцев, чем в византийскую эпоху и без какой-либо возможности обращения к юрисдикции государства, по-

скольку правосудие и налогообложение стали исключительной прерогативой феодалов⁸. К числу свободных относились горожане: как зажиточные купцы, владевшие земельной собственностью, так и простое торгово-ремесленное население⁹. В городах княжества, по-видимому, существовал институт представителей (которыми могли быть и греки), ответственных за сбор налогов с городов для князя¹⁰, что преκληкается с византийской практикой.

Анализ законов княжества позволяет сделать вывод, что франкское население Ахайи не было полностью обособлено от греческого. В определенной мере феодальное право и интересы завоевателей ограничили преемственность их правовой системы с византийской. Греческое общество преимущественно было разделено на две четко различающиеся категории: с одной стороны, свободное население (как архонты, так и представители духовенства и горожане), которые быстро ассимилировались с благородными франками и довольно легко интегрировались в новую среду с социальной и юридической точки зрения; с другой – зависимые земледельцы, подчиненные теперь власти и юрисдикции своих сеньоров.

Примечания:

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

² Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204 / ed. by B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. London, 1989. P. 5.

³ The Chronicle of Morea (Τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως): A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century / ed. by J. Schmitt. London, 1904. P. 112. 1633–1650.

⁴ Les Assises de Romanie / éd. critique avec une introd. et des notes par G. Recoura. Paris, 1930; Topping P. Feudal Institutions as Revealed in the Assizes of Romania, the Law Code of Frankish Greece. Translation of the Text of the Assizes with a Commentary on Feudal Institutions in Greece and in Medieval Europe. Philadelphia; London, 1949.

⁵ Topping P. Feudal Institutions... № 138. P. 71.

⁶ Les Assises de Romanie... № 61. P. 205; № 120–121. P. 238–239. № 138. P. 246.

⁷ Ibid. № 178. P. 271–272.

⁸ Jacoby D. La féodalité en Grèce médiévale: les «Assises de Romanie», sources, application et diffusion. Paris, 1971. P. 34.

⁹ Papadia-Lala M. Society, Administration and Identities in Latin Greece // A Companion to Latin Greece / ed. by N. Tsougarakis. Leiden; Boston, 2014. P. 119.

¹⁰ Lock P. The Franks in the Aegean, 1204–1500. London; New York, 1995. P. 189.

Н. В. Вадов

студент 4 курса

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
(г. Нижний Новгород)*

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ В ПРАВЛЕНИЕ ФИЛИППА IV КРАСИВОГО

Изучением образов власти занимается сравнительно новое направление исторических исследований, а вернее даже междисциплинарных исследований – постстарная имагология. Основным здесь является коммуникативный аспект власти, то есть то, как происходит общение, в ходе которого подтверждается или подвергается сомнению легитимность власти, выражаются разные ожидания, стремления или опасения как различных элит, так и народа.¹ В докладе мы, используя иллюстрации и текст из Великих Французских хроник (экземпляр Карла VI), а также тексты из «Норманской хроники» Пьера Кошона, «Ветви королевских родов» Гийома Гиара и «Гентские анналы» постараемся определить, как выстраивался образ французского монарха Филиппа IV Красивого, правившего с 1285 по 1314 годы.

Прежде мы рассмотрим основные ритуалы, проводившиеся при восхождении любого французского монарха тех времен на престол, куда входили коронация, соборование и торжественный въезд в город², после чего перейдем к рассмотрению изображений в хрониках и текстов источников.

Все три иллюстрации, связанные с Филиппом IV в Великих французских хрониках, связаны с его внешнеполитической деятельностью – принятием оммажа от принца Эдуарда³, а также битвы при Куртре⁴ и Монс-ан-Певеле⁵. Интересно, что в битве при Куртре король не участвовал, но на изображении он все равно присутствует. Достоверно ответить, по какой причине это произошло – из-за ошибки иллюстратора или это было сделано сознательно, дабы возвеличить его заслуги – очень сложно. Из этого можно сделать вывод о том, что иллюстратор сосредотачивает внимание именно на внешнеполитической деятельности монарха, что, вероятно, связано с достаточно непопулярной реформаторской политикой внутри государства. Эту идею косвенно подтверждают другие источники – так, в «Ветви королевских родов» Гийома Гиара король описывается как героический правитель, служащий на благо Франции. Упоминается и о битвах, в которых он участвовал – особенно при Монс-ан-Певеле, как мести за поражение при Куртре, и особенно отмечается роль короля в победе⁶. В Норманнской хронике Пьера Кошона Филиппу уделяется не столь много внимания, но, тем не менее, говорится, что его советник, Ангерран де Мариньи, выдвинутый из горожан самим Филиппом IV, был весьма хорошим управленцем, что косвенно восхваляет и самого короля. Наконец, в Гентских анналах, созданных во враждебной к Филиппу IV Фландрии, описывается смелость короля, отважно сражавшегося лично⁷. Стоит отметить, что в честь победы при Монс-ан-Певеле была даже установлена статуя в Нотр-Дам-де-Пари.

Проанализировав все вышеуказанные источники, мы можем предположить, что сосредоточение внимания на вполне реальных военных и внешнеполитических успехах делалось с целью создания образа короля-победителя и отважного воина, который, по нашему мнению, создавался для того, чтобы снизить недовольство от реформ, переведя внимание знати и народа на внешнеполитические успехи Филиппа IV.

Примечания:

¹ Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? / Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. СПб, 2010. С. 5–6.

² Зайцева Т. И. Королевские обряды в средневековой Франции (по материалам французской хроники) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 1(10). 1999. С. 47–48.

³ Grandes Chroniques de France. 1375–1380. Fol. 318 r. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84472995/f643.item.r=grandes+chroniques+de+france> (дата обращения: 01.04.2023).

⁴ Grandes Chroniques de France. 1375–1380. Fol. 326 r. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84472995/f659.item.r=grandes+chroniques+de+france> (дата обращения: 01.04.2023).

⁵ Grandes Chroniques de France. 1375–1380. Fol. 330 v. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84472995/f668.item.r=grandes+chroniques+de+france> (дата обращения: 01.04.2023).

⁶ Кошон, Пьер. Нормандская хроника. СПб, 2021. С. 25–26.

⁷ Слезкин А. Гентские анналы (пер. с лат.). 2011. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Gandenses/frametext2.htm (дата обращения: 01.04.2023).

А. А. Дудина
студент 5 курса
БГПУ им. М. Акмуллы
(г. Уфа)

РОДИТЕЛЬСКИЕ ЧУВСТВА И ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СЕМЬЕ XII–XV ВВ.

Дети во всех культурах прошлого являлись важной частью общества. В наши дни мы знаем о современных детях если не все, то значительную часть их повседневной жизни, что нельзя сказать про Средневековье.

Французский историк, Ф. Арьес в своей работе «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке»¹, озвучил мнение, что ребенок был «маленьким взрослым» со всеми вытекающими последствиями, которое сложилось в концепцию недостаточности родительских чувств.

В настоящее время медиевисты отказались от данной точки зрения, и считают, что в Средние века ребенка все-таки любили. Историки Ф. Гис, Дж. Гис приводят фрагмент из расследования инквизиции в Монтайю, в котором отражена родительские чувства к ребенку: «Дама оставила свою семью, чтобы примкнуть к катарам, но не могла перенести прощание с ребенком: «Она пошла из комнаты, ... но вернулась снова. Ребенок снова начал смеяться, и так продолжалось несколько

раз, так что она не могла заставить себя оторваться от ребенка»².

Также имеются отцовских чувств. Гийом Бене, крестьянин из Монтайю, сказал утешавшему его другу: «Я потерял все, что имел, из-за смерти моего сына Раймона». И, утешал себя мыслью, что его сын: «в лучшем месте, нежели я теперь»³.

Советский историк Ю. Л. Бессмертный приводит пример любви и к повзрослевшим детям: «прощаясь с сыном, отправляющимся на поиски своей возлюбленной, мать принца Флуара «успевает его сто раз поцеловать. Поток слез и пряди вырванных волос – вот горьких проводов картина...»⁴. Им упоминается средневековый миссионер, Раймон Туллий, который призывает «к умеренности в кормлении детей в богатых семьях, советовал «не кутать» детей, не допускать чрезмерности в ласках, но и предостерегал против суровости, вынуждавшей детей плакать, так как это «вредно сказывается на их умственном здоровье»⁵.

Говоря о воспитании, Филипп Новарский пишет о детях: «Малые дети грязны и непоседливы, когда же они подрастают – они становятся какими шалопами и капризулями, что забота о них – не в коня корм»⁶. Поэтому воспитатели Средневековья рекомендовали родителям быть строгими и требовательными: «не следует жалеть плачущего из-за наказания ребенка, так как пусть лучше поплачет для своего блага, чем заставит плакать потом своих родителей»⁷. Ф. Новарский формулирует и основные цели воспитания, это укоренение в благочестии, умеренность и в ласках, и в наказаниях.

Церковные деятели, в сочинениях и проповедях осуждали родительскую любовь и давали советы, как воспитывать детей. Так, Бертольд Регенсбургский (XIII в.) советовал крестьянам: «Если ребенок бранится, надобно посечь его розгой... Сильно бить нельзя, а то сделаешь его дураком... если ты не хочешь воспитывать детей из-за нежности и любви, либо по лености, то вина на тебе»⁸. А так же призывал родителей к сдержанности: детей «необходимо предостерегать от брани и богохульств и с малых лет приучать к молитвам»⁹.

В книге «Книге о добрых нравах» итальянского купца Паоло да Чертальдо (конец XIV в. – XV в.) есть рассуждение, как нужно относиться родителям к своим детям, и наоборот. «Если имеешь детей, то люби их, сколько есть, мальчиков и девочек, маленьких и больших, как самого себя», «...Почитание детей – есть самая ценная вещь, и если отец с матерью не добились его, то и у их детей его не будет. Дети обязаны любить своих отца и мать, и уважать их более чем самих себя»¹⁰.

Подводя итог, можно сказать, что такие родительские чувства, как любовь и забота присутствовали, но не слишком затрагивали чувственную сторону жизни в семье. Главной целью в воспитании было привить ребенку бесконечную преданность семье и почитание родителей.

Примечания:

¹Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. 415 с.

²Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в Средние века. М., 2002. С. 220.

³ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001. С. 253.

⁴ Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 50.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Антология педагогической мысли христианского Средневековья: В двух томах. Т. II / Сост., ст. к разделам и коммент. В. Г. Безрогова, О. И. Варьяш. М., 1994. С. 146.

⁷ Леонова Т. А. Материальная культура Западной Европы в контексте истории повседневности Средневековья. Уфа, 2008. С. 68–69.

⁸ Гуревич А. Л. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII в.). М., 1989. С. 213.

⁹ Гуревич А. Л. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII в.). М., 1989. С. 191.

¹⁰ Чертальядо да Паоло. Книга о добрых нравах // Послушник и школяр, наставник и магистр. М., 1996. С. 231.

В. А. Евстюнин

аспирант II года обучения

Тюменский государственный университет

(г. Тюмень)

VICIUALIUM В ПИСЬМЕ НА ТОСКАНСКОМ VOLGARE ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАФЫ: К ВОПРОСУ О НАПИСАНИИ И ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА¹

Источники по истории Причерноморья в Средние века очень разнообразны и сложны для изучения, поскольку в Средневековье этот регион, как и на протяжении всей его истории, являлся местом встречи народов различных языковой и культурной принадлежности. К одному из самых сложных для изучения типов источников относятся письма средневековых деловых людей из Причерноморья, писавшиеся ими на народных языках с неизбежными вкраплениями местного лингва франка. По этой причине, а также ввиду индивидуальных особенностей почерка людей, не получавших такого образования, как, к примеру, нотариусы, письма чрезвычайно трудно поддаются расшифровке.

Здесь можно отметить письма тосканских купцов, факторов Франческо Датины из Прато, в период его жизни подчиненного Флоренции². Они были отправлены в Геную и Флоренцию из Кафы (Феодосии), крупнейшего города средневекового Причерноморья, управлявшегося генуэзцами космополиса, созданного усилиями различных, в том числе и «незападных» народов³. Изучение этих писем способно дать материал, который может быть вписан в глобальные теоретические построения в области политической, экономической, социальной истории, истории культуры, а также стать основой казуальных свободных от словно бы неизбежного идеологизирующего дискурса самоценных источниковедческих исследований в микромасштабе. К числу таких может быть отнесено создание *Vocabularium arti navigandae*, наряду с источниковедческим трудом подразумевающего историческое микроисследование о «людях морской стихии», с которой неизбежно были

связаны деловые люди средневекового Причерноморья.

В данных рамках становится особенно очевидной констатация того, что необходимо уделять внимание каждому мельчайшему символу и термину в источнике. К числу наиболее значимых во всех контекстах терминов из встречающихся в этих письмах относится тосканская вариация латинского «victualium». Данный термин обозначал зерно, хлеб в зерне, а также заключал в себе более широкий смысл, порой используясь для обозначения всех основных видов продовольствия, от хлеба и вина до соли и бобов. В символическом контексте его значение также было велико, в сознании религиозных средневековых людей оно являло собой отсылку к жизненной основе христианской цивилизации, телу Христа в причастии⁴.

В рассматриваемом нами источнике⁵ термин можно прочесть в трех вариациях, как являющееся нормой в тосканском volgare «vettuaglia», что было предложено итальянской исследовательницей Паолой Масса, впервые расшифровавшей и опубликовавшей письмо, а также как «vvtuaglia» и «uettuaglia», что наводит на мысль о вкраплениях местного лингва франка, либо о погрешностях в написании. Попытки восстановления контекста употребления термина также отсылают к двойственности. Письмо было написано в сложных обстоятельствах перебоя со снабжением в регионе, причинами которого являлись вспышки чумы, османская экспансия и военные походы Тимура (Тамерлана)⁶. Таким образом, термин может означать как зерно, являющееся основным предметом торговли, вывозившимся латинянами из Причерноморья⁷, так и, наряду с зерном, продовольствие в целом. Из текста письма нельзя установить более точный контекст употребления термина, однако можно попытаться реконструировать, какой из трех вариантов прочтения соответствует тому, как термин был написан, а также, как его планировал написать сам автор письма. Данный палеографический экзерсис, свободный от каких-либо контекстов, с учетом изложенного выше, имеет первостепенную актуальность. Наши попытки прочтения отсылают к первому варианту «vvtuaglia».

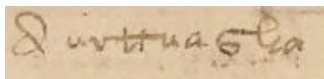

Рис. 1. Написание термина, отсылающего к латинскому «victualium», в письме на тосканском volgare

Примечания:

¹ Исследование выполняется при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-01592, <https://rscf.ru/project/23-28-01592/>

² Massa P. Alcune lettere mercantili toscane da colonie genovesi alla fine del Trecento // Atti della Società Ligure di Storia Patria (11/2). Genova, 1971. P. 358–359.

⁴ Еманов А. Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв. СПб., 2018. С. 219.

⁵ Strozzi Rosso di Strozza. Epistoli. URL: <http://datini.archiviodistato.prato.it/la-ricerca/imageView/ASPO00080162/strozzi-rosso-strozza-datini-francesco-marco-e-andrea-bonanno-ser-berizo-e-comp-2?index=7&pageName=archivio&startPage=0&query=&jsonVal=%7B%22jsonVal%22%3A%7B%22startDate%22%3A%22%22%2C%22endDate%22%3A%22%22%2C%22fieldDate%22%3A%22dataNormal%22%2C%22nomi%22%3A%22STROZZI+ROSSO+DI+STROZZA%22%7D%7D&orderBy=&orderType=asc> (дата обращения: 15.04.2023).

⁶ Massa P. Alcune lettere mercantili toscane... P. 349–350.

⁷ Еманов А. Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем... С. 218–219.

Н. Э. Жигалова

к.и.н., доцент

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ ВО ВНУТРИДИНАСТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ ОСМАНОВ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В.¹

1402 г. – рубежный для византийско-османских взаимоотношений, поскольку после поражения османов в битве при Анкаре, где эмир Тимур разбил войско султана Баязида I, Османское государство распалось, а внутри правящей династии начались распри, которые не прекращались вплоть до 1413 г., когда на престол взшел один из сыновей Баязида Мехмед I. Предшествовавший этому династический кризис был вызван тем, что наследники умершего вскоре после битвы при Анкаре султана Баязида вступили в ожесточенную борьбу за османский престол.

Византийский император Мануил II Палеолог (1391–1425) усмотрел в этой ситуации ряд преимуществ. В первую очередь, разлад внутри османской династии привел ко временному прекращению османской агрессии против Византии и позволил василевсу стабилизировать обстановку внутри страны. Во-вторых, для императора открылись возможности непосредственным образом влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в Османском государстве, используя политические амбиции наследников Баязида I в своих интересах. В настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать, к каким результатам привело вмешательство Византии во внутривнутридинастические конфликты Османов.

В междоусобной распри среди османских принцев в начале XV в. участвовали сразу несколько сыновей Баязида – Сулейман, Муса, Иса, Мехмед. Первый, кто вышел на контакт с византийским императором – Сулейман Челеби. Уже в 1402 г. он направил к византийцам эмиссара, предлагая дружбу и возвращение захваченных у Византии территорий, в частности Фессалонику, второй город империи, которая к тому времени в течение нескольких лет находилась в руках османов.

Сулейман, испытывая потребность в сильных союзниках, готов был пойти на значительные территориальные уступки, продемонстрировав свою верность

императору. Так, несмотря на свои скромные земельные владения и военную несостоятельность, Византия по-прежнему оставалась значимым игроком на международной арене.

Сулейман, заняв Эдирне (Адрианополь), закрепился в Румелии (на Балканах), в то время как его братья обосновались в Малой Азии (Анатолии). В 1411 г. один из младших братьев Сулеймана Челеби Муса вступил в Адрианополь, вынудив Сулеймана искать прибежища в византийских владениях. Этот эпизод еще раз показывают степень вовлеченности византийцев в османские проблемы.

В 1411 г. после смерти преданного императору Сулеймана Муса осадил Фессалонику и двинулся к Константинополю, стремясь наказать василевса за поддержку своего соперника. Оказавшись в сложном положении, Мануил принял решение обратиться за помощью к еще одному сыну Баязида I – Мехмеду Челеби, который в то время занимал Бурсу. Император призывал Мехмеда прибыть в Константинополь и убеждал его выступить против Мусы. Согласие Мехмеда вновь обеспечило Мануилу, сумевшему убедить молодого принца в пользу союза с Византией, поддержку наиболее перспективного с военной и политической точки зрения претендента на османский трон. В свою очередь, Мехмед, став султаном в 1413 г., возвратил Византии ряд земель в Фессалии и на побережье Черного моря, что свидетельствует о том, что и для Мехмеда помощь и поддержка византийского императора оказались весьма полезными.

Таким образом, вмешательство Мануила II Палеолога во внутридинастические конфликты османов после смерти Баязида I, с одной стороны, обеспечило Византии возвращение ранее утраченных территорий за счет удачных соглашений с османскими принцами, с другой, провоцировало новые распри среди представителей Османской династии. Мануилу II Палеологу тем самым удалось то, что не удавалось ни его предшественникам, ни потомкам – а именно: почти на два десятилетия нейтрализовать османскую угрозу и установить прочные и выгодные для Византии отношения с османскими правителями.

Примечания:

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

Д. А. Ильгова

магистрант 1 года обучения

Российский государственный гуманитарный университет

(г. Москва)

РОЛЬ ВИЗУАЛЬНОГО МЕДИУМА В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ ПОЭЗИИ НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «PANGUR BÁN»

Интермедиальность поэтического дискурса становится предметом широкого научного обсуждения приблизительно в начале XX в. Однако предпосылки к созданию синтетических текстов появились задолго до XX в., например, в древнегреческих и древнеримских фигурных стихотворениях.

Ярко выраженное развитие визуального медиума характерно также и для древнеирландской литературы. До нас дошли образцы богато украшенных ирландских манускриптов, например, «Книга из Келлса» (*Leabhar Cheanannais*) VII в. Она содержит широкий ряд визуальных компонентов: ковровые страницы, изображения святых, а также множество миниатюрных изображений животных. Особенное внимание привлекает кот, который гонится за мышью (рис.1)¹.

Рис. 1. Книга из Келлса

Этот игровой сюжет находит свое отражение уже в стихотворной форме в другом манускрипте IX в. – «Молитвеннике Райхенау» (*Reichenau Primer*), который состоит из 8 листов и содержит астрономические таблицы на греческом языке, гимны и грамматические тексты на латинском языке, а также ирландские стихи. Особое внимание стоит обратить на стихотворение «Pangur Bán», которое предположительно написано ирландским монахом о своем коте (рис.2)².

Рис. 2. Молитвенник Райхенау. Pangur Bán.

На рисунке выше сразу обращает на себя внимание расположение и организация текста. Автору, несомненно, было важно показать поэтическую структуру текста. Сначала он будто бы не придает значения форме и первые пару строк записывает так, словно продолжает писать прозаический текст. Однако сразу после начальных строк автор все-таки пытается выстроить визуальную стихотворную форму и старается расположить оставшиеся из восьми четверостиший в стихот-

ворной форме в виде двух строк каждое. Каждое новое четверостишие начинается с ярко выраженной заглавной буквы, вторая линия каждого четверостишия имеет небольшой отступ, что дает читателю также визуально понять и смысловое деление фразы. Стихотворение имеет четкий ритмический рисунок и рифмы.

Стихотворение было впервые опубликовано в «Thesaurus Palaeohibernicus» в 1903 г. Название «Pangur Bán» можно перевести как «Белый Пангур» (от др.-ирл. *bán* – белый).

Отдельное внимание нужно обратить на аллитерацию, которая в древнеирландском языке тоже имеет ярко выраженную визуальную направленность, т. к. предполагает чередование начальных согласных (выделены жирным в отрывке ниже).

Pangur Bán³

1. Messe *ocus* Pangur Bán,
· *cechtar nathar fria saindan*
bíth a menmasam fri seilgg
· *mu menma céin im saincheirdd.*
<...>

8. He fesin as choimsid *dáu*
· *in muid dungní cach oenláu*
du thabairt doraid du glé
· *for mu mud céin am messe.*

Белый Пангур

Я и друг мой Пангур Белый –
Оба заняты мы делом:
Он – охотой на мышей,
Я – созданием идей.
<...>

Он на страже каждый день
И играть ему не лень.
Свой же вижу труд таким:
Сделать сложное простым.

Таким образом, стихотворение «Pangur Bán» отражает развитие визуального медиума в древнеирландской поэзии, которое выражается и в построении рукописного текста в манускрипте (на визуальном уровне), и в использовании аллитерации (на вербальном уровне).

Примечания:

¹ Кухтенкова О. А. Очерки истории кельтской книжности. СПб., 2020. С. 129.

² Primer Reichenau [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rz.uni-potsdam.de/u/ling-tri/schulheft/> (дата обращения 08.01.2023).

³ Stokes W., Strachan J. Thesaurus Palaeohibernicus: a Collection of Old-Irish Glosses, Scholia Prose and Verse. Cambridge, 1903. P. 293–294.

К. М. Караиайски

аспирант II года обучения

Крымский федеральный университет

им. В. И. Вернадского

(г. Симферополь)

ОБРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА VII К ВОСТОЧНЫМ СТРАТИГАМ: ИМПЕРСКАЯ ПРОПАГАНДА В ОТНОШЕНИИ ИНОЗЕМНЫХ НАЕМНИКОВ

Военные речи императора Константина VII связаны с боевыми действиями против арабов на юго-восточных границах империи в 950-х гг. Одна из них,

«Обращение императора Константина к восточным стратигам», определяется исследователями в качестве официальной инструкции (συλλαβή)¹ для армейского командования, направленной весной-летом 958 г. Шестая часть этой речи посвящена иноэтничным воинским контингентам (ἐθνικοί) в составе византийской армии и распространению на них имперской пропаганды.

Империя закономерно обращала на отряды иноземцев большое внимание, активно привлекая их в качестве наемных и союзных сил как минимум с начала X в. В 930–960-е гг. византийские войска имели в своем составе росов, фарганов, хазар, арабов, венгров, армян³ и славян⁴. Арабские авторы X в. (Абу Фирас, аль-Мутанабби и Ибн Халавайхи) сообщают, что в войсках Варды Фоки в 954/955 г. и Василия Лакапина с Иоанном Цимисхием в 958 г. присутствовали армяне, росы, славяне, венгры, болгары, франки и хазары⁵. Крупнейший контингент был представлен, вероятно, росами – численность их отрядов в первой половине X в. составляла 400–700 воинов. Косвенно это подтверждает аль-Мутанабби, выделяя в качестве основных сил, подошедших к крепости Хадат, ромеев и росов. Исходя из этого, следует предположить, что шестая часть «Обращения» подразумевает в первую очередь росов и эффект должен быть произведен именно на них.

Император призывал поразить иноземцев мужеством и отвагой, натиском и неодолимой мощью византийской армии. Иноземные воины должны стать глашатаями, формирующими внушающий уважение и трепет образ империи у себя на родине. В качестве материального подтверждения указывается военная добыча, способная впечатлить и воинов, и их соплеменников. На наш взгляд, в данном пассаже византийские власти преследовали две важнейшие цели. Во-первых, демонстрации военной силы, которая должна была удерживать иноземцев от нападений на византийские территории. Во-вторых, формирования образа императорской армии как престижного и выгодного места службы, с дальнейшей перспективой увеличения потока иностранных наемников.

О том, какое впечатление производили ценности, полученные в результате службы в Византии, красноречиво говорят скандинавские нарративные (например, «Сага о людях из Лососьей Долины» и «Сага о Харальде Суровом») и эпиграфические источники (рунические камни, сообщающие о высоком статусе или материальных приобретениях в империи). Очевидно, высокая плата была сознательной частью политики византийских императоров относительно иноземных наемников. Поддержание же престижа империи и имперской службы заботило византийскую элиту (например, Кекавмена) и в последующие столетия.

Таким образом, мы предполагаем, что шестую часть «Обращения» следует рассматривать в качестве указаний для командования восточных войск относительно методов пропагандистского воздействия на отряды иноземных наемников, связанных с демонстрацией силы и распределением трофеев.

Примечания:

¹ Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète // Travaux et Mémoires. Paris, 1967. T. 2. P. 401–404.

² Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae byzantinae libri duo / Rec. I. I. Reiske.

Bonn, 1829. Т. 1. P. 660–661.

³ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 481.

⁴ Vasiliev A. A. Byzance et les Arabes: la dynastie Macédonienne. Bruxelles, 1950. Т. II. P. 331, 364, 368–369.

⁵ Haldon J. F. Theory and practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies // Travaux et Mémoires. 2000. Т. 13. P. 202–219.

Н. А. Ковшиков

студент 4 курса

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

ОБРАЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ РИГИ В «CRONICON LYVONIAE» ГЕНРИХА ЛАТВИЙСКОГО

Современная историческая наука ориентируется на изучение отдельных личностей, событий, процессов на основе общего массива информации, содержащейся в источнике. Весьма иллюстративной в этом отношении является «Хроника Ливонии» (*Cronicon Lyvoniae*) – латиноязычный манускрипт, созданный в XIII в. Данное произведение предоставляет информацию о событиях в Прибалтике (Ливонии) начиная с конца 1180-х и вплоть до 1227 г.

Темой исследования является рассмотрение конкретного сюжета, а именно основания города Рига, вокруг которого в дальнейшем будут происходить многие события «Хроники», и который станет одним из основных центров в немецкой колонизаторской миссии XIII в. Данный сюжет рассматривается в произведении в Третьей Книге со «второго по четвертый год»¹, что хронологически совпадает со временным промежутком 1200–1203 гг. Исходя из текста «Хроники», можно сделать несколько заключений об основателях Риги.

Епископ Ливонии Альберт в 1199–1229 гг. упоминается как основатель города, информацию об этом содержат следующие строки: «На третий год своего посвящения епископ <...> возвратился в Ливонию с пилигримами, каких сумел собрать, и в то же лето построен был город Рига на обширном поле, при котором можно было устроить и корабельную гавань». Кроме того, «в третий год своего посвящения епископ Альберт перенес эту монашескую обитель и епископский престол из Икесколы в Ригу, посвятив епископскую кафедру со всей Ливонией имени пресвятой богородицы Марии»². Создав не только крепость, но и монастырь и перенеся кафедру, Альберт не только основал город, но и придал ему статус духовного и экономического центра всего региона.

Другим лицом, причастным к основанию Риги, является Теодорих, один из первых колонизаторов, а также доверенное лицо епископа в переговорах с Папским престолом. По его настоятельной просьбе римский первосвященник строжайше, под страхом анафемы, запретил всем, кто бывает в Семигаллии для торговли, посещать местную гавань»³ – именно этот шаг предопределил основа-

ние Риги. Кроме того, в дальнейшем именно Теодорих станет основателем монашеского цистерцианского ордена

Враждебное отношение местного населения и постоянные набеги коренных жителей привели к необходимости создания сильного и устойчивого форпоста: «Однако из-за нападения ливов на мир, многократно уже ими нарушавшийся, епископ потребовал заложников»⁴. Кроме того, местное население указало на место будущего города: «Перед отъездом ливы указали ему место для города, который назвали Ригой». Наконец последующие заключение договора придало городу правомерный статус и в глазах местного населения.

На основании проанализированного материала следует сделать вывод, что Генрих Латвийский в своей «Cronicon Lyvoniae» дал описание не только историческому фону в общем, но и охарактеризовал наиболее значимые для региона события. Основание Риги показывает, что данный процесс являлся многоуровневым и был связан со взаимодействием разных социальных групп, на примере рассмотренного сюжета – это связь рыцарства, религиозных деятелей, а также коренного населения. Таким образом, анализируемый источник богат сведениями, связанными с Ригой и ее основателями и наглядно иллюстрирует процесс образования и функционирования средневековых городов на периферии.

Примечания:

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М., 1938. С 78–82.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же. С. 79.

Н. В. Кулешов

студент 3 курса

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

СЕРБИЯ В ОСМАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ КОНЦА XIV – НАЧАЛА XV ВВ.: ВАССАЛ ИЛИ СОЮЗНИК?

В результате битвы на Косовом поле 1389 г. правители сербов были поставлены в положение вассалов турецкого султана. Однако такая их, безусловно, верная характеристика, представляется слишком общей. Средневековый вассалитет был специфической формой союзных отношений, подразумевавших взаимные обязательства вассала и сюзерена друг перед другом. Как и любой союз, вассалитет строился на основе совпадения интересов. В каждом отдельном случае вопрос заключается только в степени их совпадения. Если признать, что сербско-турецкие отношения не были исключением из этих правил, то можно лучше понять закономерности их развития в период от начала сербского вассалитета до окончания так называемого османского «междуцарствия» 1402–1413 гг.

Косовская битва не привела к гибели сербской государственности. Очевидно, это не отвечало интересам вышедшего из нее победителем нового османского султана Баязида I (1389–1402). Перед последним стояла проблема закрепления за собой прав на османский престол после гибели в ходе сражения его отца Мурада I (1362–1389). В свою очередь, патронаж султана был необходим и наследнику павшего в битве князя Лазаря (1370–1389) – Стефану Лазаревичу (1402–1427). Ему требовалось иметь надежные гарантии своего положения во главе сербских земель, а также защиту от соседей¹. В результате новый сербский лидер оказался связан прочными узами с турецким султаном, сопровождая его в последующих походах. Не стала исключением и знаменитая битва при Анкаре (1402), в которой Баязид I потерпел поражение от среднеазиатского правителя Тимура (1370–1405).

Битва при Анкаре стала началом нового этапа в истории сербско-турецких отношений. Внутри османской династии началась междоусобица. Наследником Баязида I, скончавшегося в плену у Тимура, сначала объявил себя эмир Сулейман Челеби, власть которого ограничивалась Румелией. Стефан Лазаревич в это же время получил титул деспота от византийского императора Иоанна VII. С этого момента его можно считать номинальным вассалом Византии. В феврале 1403 г. положение как Сулеймана, так и Стефана было закреплено договором, заключенным в Галлиполи между новым правителем турок и императором Византии с участием представителей Венеции и Генуи. Теперь сербский лидер был связан вассальными отношениями как с Византией, так и, следовательно, с ее союзником – Сулейманом². Это дало ему определенные преимущества в борьбе со своими родственниками Бранковичами³. Но попытка их сближения с Сулейманом могла стать одной из причин, по которым в 1404 г. Стефан вступил в вассальные отношения с венгерским королем Сигизмундом (1387–1437). Сулейман в ответ на действия деспота признал за его родственником Вуком Бранковичем права на часть сербских земель, которые у него оспаривал Стефан.

Открытый разрыв Стефана Лазаревича с Сулейманом произошел на новом витке османской междоусобицы, когда в 1409 г. в борьбу с последним вступил его брат Муса Челеби. Сербский князь вступил в коалицию с ним против Сулеймана. В 1411 г. Муса одержал победу. При этом он не был признан в Византии и начал борьбу с ней. В отсутствие у Мусы договора с Византией его отношения со Стефаном Лазаревичем даже номинально не подразумевали вассалитет князя. В той ситуации скорее можно говорить о равноправном союзе между ними⁴. Однако на политической арене уже появился еще один из сыновей Баязида I – Мехмед Челеби, до этого правивший в Анатолии. Коалиция Мусы и Стефана Лазаревича вскоре распалась. Ответить на вопрос о причинах нового поворота во внешней политике сербского князя сложно. Важную роль в этом мог играть факт союзных отношений между Мехмедом, окончательно утвердившимся у власти в 1413 г., и Византией.

Сербско-турецкие отношения в рассматриваемый период пережили определенную эволюцию. Реальный вассалитет сербского князя Стефана Лазаревича наблюдается при Баязиде I. После битвы при Анкаре в условиях османской ме-

ждоусобицы он стал разрушаться, что продемонстрировали отношения Стефана сначала с Сулейманом, а затем с Мусой. После вступления князя в коалицию с Мехмедом его отношения с новым турецким султаном напоминают те, которые были зафиксированы в договоре 1403 г.⁵

Примечания:

¹ Житие на Стефан Лазаревич // Сочинения на Константин Костенечки. София, 1993. С. 150–152.

² Dennis G. T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // *Orientalia Christiana Periodica*. 1967. Vol. 33. P. 77–79.

³ Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413. Boston, 2007. P. 83.

⁴ Житие на Стефан Лазаревич... С. 173.

⁵ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. London, 2014. Vol. I. P. 303.

И. Н. Мастяева

*младший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
(г. Москва)*

**ПРОБЛЕМА МОНАШЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В АББАТСТВЕ
СЕН-ВИКТОР В МАРСЕЛЕ НА РУБЕЖЕ XIII–XIV ВВ.¹**

Представления о монашеской дисциплине на средневековом латинском Западе в целом сформировались уже к VI в., моменту создания устава св. Бенедикта. Молчание, полное подчинение аббату, бедность, целомудрие – таков был набор требований, предъявляемых к монаху. Однако реальная монашеская жизнь редко соответствовала этим высоким стандартам. Так, начиная со второй половины XIII в., источники свидетельствуют о падении уровня дисциплины в бенедиктинском аббатстве св. Виктора в Марселе и о многочисленных, но, судя по всему, тщетных попытках местных аббатов исправить сложившуюся ситуацию.

Древнее (возможно, основано в V в.) и богатейшее в Южной Галлии (с XII в. – центр огромной конгрегации с приоратами от Дофине до Кастилии) аббатство св. Виктора в Марселе к концу XIII в. находилось в состоянии тяжелого кризиса², как финансового, так и дисциплинарного. Бенедиктинское монашество к XIII в. в целом переживает сложный период, уступая пальму первенства в плане выражения монашеских идеалов нищенствующим орденам. Жизнь марсельского аббатства прекрасно вписывается в эту общую тенденцию: в XIII в., обитель вероятно, в результате халатности аббатов и общего падения дисциплины, теряет контроль над приоратами, которые должны были передавать ей часть своих доходов, и попадает в долговую зависимость от марсельских банкиров. Фульк, епископ Антиба и бывший монах св. Виктора выплатил половину долга, составившую внушительную сумму в 40 800 солидов и тем самым защитил аббатство от возможной потери земельных владений и доходов³. Но если финансовые вопросы монастыря удалось со временем хотя бы частично уладить, дисциплинарные проблемы беспокоили аббатство вплоть до середины XIV в., когда ситуацию ненадолго удалось исправить папе римскому Урбану V, бывшему аббату св. Виктора в Марселе.

Серия статутов обители, опубликованная в начале XX в. Леоном Гуйоро, свидетельствует о продолжающихся попытках пяти аббатов монастыря привести образ жизни местных монахов в соответствие с бенедиктинскими идеалами⁴. В отличие от архитектуры, археологии, картуляриев, хроники и библиотечных описей монастыря эта группа источников остается практически неизученной⁵.

Гильом де Сабран (аббат в 1294–1312) проявил особенную активность в попытках наладить монашескую дисциплину в аббатстве св. Виктора: пять раз он собирал генеральный капитул с целью принять статуты, регулирующие жизнь монахов. Проблемы, которые он пытался решить, относились преимущественно к пяти областям: литургика (проведение служб и месс), деятельность инfirmария (монастырской больницы), поведение и внешность монахов, сохранность монастырского имущества и монастырские доходы (бенефиции). Содержание статутов, призывающих монахов к таким простым вещам как, например, не ворошить посуду из монастырской кухни и не носить шелковые пояса, с украшениями из драгоценных металлов, свидетельствует о крайнем падении уровня дисциплины в аббатстве, а тот факт, что преемники Гильома де Сабрана были вынуждены снова собирать генеральные капитулы и формулировать статуты – о тщетности попыток ее наладить.

Примечания:

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 22-18-00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты».

² Филиппов И. С. Сен-Виктор // Православная энциклопедия. М., 2021. Т. 62. С. 400–406.

³ Guilloreau L. Chapitres généraux et statuts de Guillaume de Sabran, abbé de Saint-Victor de Marseille (1294–1312) // Revue Mabillon. 1910–1911. Т. 6. P. 300–381; 1911–1912. Т. 7. P. 224–459.

⁴ Ibid.

⁵ Основные исследования: Recueil des actes du Congrès sur l'histoire de l'abbaye Saint-Victor de Marseille (29–30 janvier 1966). Aix-en-Provence: La pensée universitaire, 1966; Saint-Victor de Marseille. Études archéologiques et historiques. Actes du colloque Saint-Victor, Marseille, 18–20 novembre 2004 / Ed. par M. Fixot, J.-P. Pelletier. Turnhout: Brepols, 2004.

М. В. Миронов

магистрант 2 года обучения

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

МЕЖДУ ВЕНГРАМИ И ОСМАНАМИ: СЕРБСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ 1427–1444 ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ¹

Вторая четверть XV в. характеризуется усилением османской экспансии на Балканском полуострове. Нарастающая османская угроза актуализировала проблему противостояния балканских государств османским султанам, что выражалось в необходимости выстраивания соответствующих реалиям времени отноше-

ний с турками, а также в поиске союзников для защиты от восточных захватчиков. Не была исключением здесь и Сербская деспотовина. В настоящей работе принята попытка рассмотреть принципы сербской дипломатии 1427–1444 гг. по материалам византийских источников.

После смерти османского султана Баязида I в 1403 г. в Османском государстве разгорелась война между его наследниками. Деспот Сербии Стефан Лазаревич, который являлся вассалом Баязида, воспользовался политическим кризисом внутри Османского государства и вышел из-под зависимости турок. Однако ослабление бывшего сюзерена привело к тому, что и в самой Сербии голову подняла местная оппозиция в лице племянника Стефана – Георгия Бранковича. В связи с этим в первом десятилетии XV в. Сербию разрывали внутривнутриполитические противоречия. Желая сохранить свою власть, Стефан Лазаревич ориентировался во внешней политике на Венгерское королевство. Ян Длугош сообщал, что Стефан обещал польскому королю «верность, подчинение и всяческое послушание»². Георгий Бранкович, в свою очередь оставался вассалом турок. Опустошительная междоусобица завершилась подписанием мира между Лазаревичем и Бранковичем в 1411 г., в результате которого власть в государстве сконцентрировалась в руках деспота Стефана. В 1426 г. Стефан Лазаревич официально признал своим наследником Георгия Бранковича, но при условии, что последний сохранит вассальное подданство Венгрии. Очевидно, что при отсутствии наследника компромисс с Бранковичем обеспечивал политическую стабильность Сербии, что позволяло сконцентрировать ресурсы для выстраивания отношений с соседними государствами.

По сведениям Халкокондила, сотрудничество с Венгрией приносило деспотам значительные материальные выгоды в виде многочисленных владений в южной части Венгерского королевства³. Стефан Лазаревич, очевидно, полагал, что ориентация на Венгрию обеспечит Сербии верного союзника при неминуемой войне с Османами в дальнейшем.

С приходом к власти Георгия Бранковича в 1427 г. Сербия фактически являлась вассалом одновременно двух крупных соседей – Венгерского королевства и Османского государства. В этом же году турки предприняли вторжение в Сербию. Султан Мурад II, очевидно, опасался потери контроля над Сербией и дальнейшего сближения последней с Венгрией. В этих условиях Георгий Бранкович был вынужден пойти на переговоры с султаном Мурадом II, понимая бесперспективность военного противостояния с турками. В результате между Сербией и Османами в 1438 г. был заключен мир, скрепленный династическим браком. Для Мурада II было важно видеть Сербию во главе с верным ему Георгием Бранковичем, своим вассалом, что позволяло ликвидировать потенциальную угрозу со стороны Венгрии.

Однако Георгию Бранковичу не удалось долго поддерживать баланс в отношениях с Венгрией и Османским государством. Уже в 1438 г. Мурад II вновь вторгся в Сербию. После смерти короля Сигизмунда в Венгрии разгорелось крестьянское восстание. Ослабление Венгерского королевства развывало руки султану, поэ-

тому Мурад II сумел беспрепятственно захватить Сербию. Георгий Бранкович же был вынужден бежать в Венгрию.

Ключевым эпизодом сербской дипломатии в исследуемый период стал крестовый поход против турок 1443–1444 гг. под предводительством польско-венгерского короля Владислава III. По сведениям византийских авторов, Георгий оказывал существенное влияние на своих венгерских союзников и сумел убедить в 1444 г. Владислава III заключить мир с султаном, надеясь впоследствии вернуть захваченные турками земли¹. Возвратив же их Бранкович, оставался вассалом Мурада II и не предпринимал шагов по конфронтации с османами в дальнейшем.

Таким образом, специфической чертой Сербии в 1427–1444 гг. являлась вассальная зависимость одновременно от двух крупных соседей: Венгрии и Османского государства. Этим обуславливается проводимая Георгием Бранковичем политика, направленная на лавирование между двумя центрами силы – османами и венграми. В то же время при ослаблении одного из сюзеренов деспот нередко имел возможность упрочить положение Сербии за счет территориальных приобретений или политических договоренностей.

Примечания:

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

² Jan Długosz. Kroniki sławnego Królestwa Polskiego (Ks. 11–12) / red. J. Kowalczuk. Warszawa, 2004. С. 260.

³ Laonikos Chalkokondyles. The Histories / transl. by A. Kaldellis. Cambridge; London, 2014. Vol. I. P. 409.

⁴ Laonikos Chalkokondyles. The Histories / transl. by A. Kaldellis. Cambridge; London, 2014. Vol. II. P. 64.

П. Д. Михайлова

студент 3 курса

Университет «Туран»

(г. Алматы, Казахстан)

«ИСТОРИЯ КАНО МАК ГАРТНАЙНА»: ПРОБЛЕМЫ И ЛАКУНЫ В ХРОНОЛОГИИ И ГЕНЕАЛОГИИ

История Кано мак Гартнайна, как считается, была впервые записана в «Желтой книге Лекана» в XIV–XV вв. Она рассказывает историю Кано, сына Гартнайна, жившего в VII в., вынужденно покинувшего свою страну. Проблемами данного текста занимались видные ученые. Так, можно особенно выделить Турнейзена, который сделал перевод на немецкий, О’Катсэй, О’Койлен, Д. Э. Бинчи и К. Мейера.

В повествовании фигурируют Аэд Слане, король Тары; Аэдан мак Габрайн – дядя (или дед) Кано и убийца его отца; Колку, сын Маркана; Кред, супруга Маркана и возлюбленная Кано; Диармайт и Блатмак, сыновья Аэда Слане. Гартна(й) н здесь – отец Кано и бывший правитель Тары. Стоит уточнить дату смерти Аэда Слане в 604 г.

История относится к «королевскому циклу». Основную роль в нем играет племя Дал Риада, а внутри него – род Кенел н-Гартнайт. С этого начнем разбираться в генеалогиях. Аэдан мак Габран стал королем Дал Риады в 574 г.¹ и имел семь сыновей, среди которых – Гартнат².

Это имя наводит на размышления, так как Кано мак Гартнайт также является аргументированным, согласно «Анналам Ульстера» и его записям. В таком случае, Кано – мак Гартнайт мак Аэдан, и Аэдан мак Габрайн – его бабушка и убийца его отца. Тогда скела описывает борьбу за трон между отцом и сыном.

О'Койлен вывел следующую цепь: Талорк мак Конгуса мак Конамла мак Канонн мак Гартнайт мак Аэдан мак Габрайн³. Эта цепь подтверждается записями о детях Кано: не совсем ясна дата рождения, но дата смерти его дочери записана в 690 г., а его сына – в 705 г.⁴

В «Анналах Ульстера» есть информация о смерти Габрана в 558 г.; О'Койлен ссылается на смерть Аэдана в 606 г. (или 609 г.); на Кано приводится несколько вариантов дат от начала VII в. до начала VIII в. Присутствует запись о битве в 649 г. между Аэданом (без указания патронима) и Гартнайтом, сыном Аккитана, и это отрицает версию о борьбе за власть между отцом и сыном – тогда Кано мак Гартнайт мак Аккитан, и он мстит за убийство отца не дяде или деду, и, возможно, не имеет отношения к Дал Риаде вообще⁵.

Если Аэдан был королем в 574–606 г., то правителем какой территории был Аккитан – в том случае, если он был отцом Гартната, умершего в 597 г.⁶ Тогда это подкрепляет правомерность вопроса об относимости рода Кенел н-Гартнайт к Дал Риаде в целом.

Если опираться на мнение Д. Н. Дамвила, Кано не погиб, так как оставил после себя сына. Он приводит такую цепочку: Конгус мак Консамла мак Кано Гарб мак Гартнат мак Аэдан мак Габран. Это вновь отсылает нас к проблеме путаницы между Аэданом и Аккитаном.

В «Анналах Ульстера» есть запись об убийстве Канонна, сына Гартнайда, в 688 г.⁷ Это сложно обосновать ввиду разницы между датами смерти Аэдана и Кано, однако приведенные выше даты смерти детей Кано дают основания принять эту дату за возможную. Однако «этот» Кано был сыном Гартнайта и внуком Домналла, короля пиктов, умершего в 663 г.

Вероятно, Кано был сыном основателя рода Кенел н-Гартнайт, но если он был внуком Аккитана, то, вероятно, не имеет отношения к Дал Риаде вообще. Если опираться на дату смерти Гартнайда, умершего в 597 г., то разница между смертью его и Аэдана оправдана, однако возникают, опять же, вопросы относительно смерти Канонна. Иными словами, есть две относительно оправданные версии – та, в которой Кано жил в начале VII в. и та, где он жил в конце VII в. Первая версия обосновывается датами смерти Гартнайта, Аэдана, Аэда Слане, другая – датами смерти детей Канонна, Диармайда и Блатмака. Прямо посередине этих дат битва между Аэданом и Гартнайдом мак Аккитаном в 649 г. Сейчас у нас есть три почти в равной степени оправданных временных версии, которые и следует изучать подробнее.

Примечания:

- ¹ Живлова Н. Ю. Мир святого Колумбы: Раннесредневековая Ирландия и Британия глазами монахов с острова Иона. 2-е изд. М., 2019. С. 132.
- ² Bannerman J. Studies in the history of Dalriada. Scottish Academic Press, 1974. С. 45.
- ³ Coileáin S. Ó. Some Problems of Story and History // ÉRIU. Vol. 32. 1981. С. 117.
- ⁴ Bannerman J. Studies in the history of Dalriada... С. 93.
- ⁵ Fraser E. From Caledonia to Pictland: Scotland to 795. Edinburgh, 2009. P. 204.
- ⁶ The Annals of Tigernach / ed. W. Stokes // Revue Celtique. 1895.
- ⁷ Живлова Н. Ю. Мир святого Колумбы... С. 227.

Д. Ю. Неволина

магистрант 2 года обучения

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

**ПРИРОДА СВЯТОЙ ЗЕМЛИ В ВОСПРИЯТИИ
ИТАЛЬЯНСКИХ ПАЛОМНИКОВ XIII–XV ВВ.**

Итальянские паломники, отправляясь в Святую Землю, сталкивались с непривычными для них местностью и климатом. В исследовании образа Святой Земли, который создавался и распространялся итальянскими средневековыми паломниками, важно изучение того, как они воспринимали ее природу. Анализ природных объектов и явлений в паломнических нарративах показывает, какие впечатления у паломников вызывала природа Святой Земли, а также какие представления и стереотипы влияли на ее восприятие.

В качестве источников используются путеводители и дневники путешествия (травелог) итальянских паломников XIII–XV вв.: монахов Филиппа Савонского (паломничество 1280–1289 гг.), Рикольдо да Монте Кроче (паломничество 1288–1300 гг.), Николо да Поджибонси (паломничество 1346–1350 гг.), двух флорентийских купцов, отправившихся в совместное паломничество (1384–1385 гг.) – Лионардо Фрескобальди и Симоне Сиголи, а также священника Мариано да Сиена (1431) и военного и политического деятеля Роберто Сансеверино (паломничество 1458–1459 гг.).

В рассказах паломников о Святой Земле чаще всего упоминались красота и плодородие ее природы. Описывая Иерусалим, путешественники отмечали, что город был окружен благоухающими полями, «благословенными Господом»¹. В окрестностях Вифлеема христиане, имевшие лицензию от султана, выращивали виноград и делали вино².

Некоторые паломники рассказывали и о том, как в пути они нуждались в местах отдыха и источниках питьевой воды. Мариано писал, что по дороге из Яффы до Иордана было тяжело найти хоть каплю воды, «кроме как в лужах»³. Роберто рассказывал, как арабские верблюды помогали преодолевать пустыню, «где ничего не видно, кроме неба и песка»⁴.

Места евангельских событий обладали наибольшей значимостью для паломников. Популярностью пользовалась река Иордан, так как в ней, согласно Новому

Завету, был крещен Христос⁵. Рикольдо и Лионардо описали ритуал купания в реке, а также упомянули о том, как они пели гимны у Иордана⁶. Николо поделился наблюдениями о свойствах воды, назвав ее сладкой, «как будто в ней есть сахар»⁷. Мариано упомянул, что набрал флягу с водой из Иордана и привез ее в Сиену, и вода ни разу не испортилась⁸.

Паломники часто посещали Мертвое море, которое воспринималось христианами как греховное место и вход в преисподнюю. Согласно Библии, рядом с ним находились проклятые города Содом и Гоморра⁹. Паломники писали, что море поглощало в себя, словно бездна, воды Иордана¹⁰. В нем невозможно было плавать, а птицы, пролетая над морем, падали замертво¹¹. Роберто, прикоснувшись к воде Мертвого моря, с удивлением отметил, что она «горька и масляниста»¹².

В Святой Земле паломники находили и другие необычные природные достопримечательности. Христианство определило особенности восприятия европейцами окружающей действительности. Описывая природу, паломники руководствовались и общехристианскими представлениями о богатстве и плодородии территории Святой Земли. Итальянские паломники XIV–XV вв. чаще стали интересоваться природными стихиями и погодными условиями, оказывавшими влияние на их путешествие.

Примечания:

¹ Neumann W. A. Drei mittelalterliche Pilgerschriften: III. Philippi description Terrae Sanctae // Österreichische Vierteljahresschrift für Katholische Theologie, 11. 1872. Т. 1, Hf. 2. S. 35.

² Poggibonsi N. Libro d'Oltramare / publ. da A. B. d. Lega. Bologna, 1881. P. 215.

³ Del viaggio in Terra Santa fatto e descritto da ser Mariano da Siena nel secolo XV: codice inedito / ed. D. Moreni. Firenze, 1822. P. 17–18.

⁴ Sanseverino R. Viaggio in Terra Sancta: fatto e descritto per Roberto da Sanseverino / ed. G. Maruffi. Bologna, 1888. P. 123.

⁵ Mylod E. J. Latin Christian Pilgrimage in the Holy Land, 1187–1291. Leeds, 2013. P. 142.

⁶ Laurent J. C. M. Peregrinatores Medii Aevi Quatuor: Burchardus De Monte Sion; Ricoldus De Monte Crucis; Odoricus De Foro Julii; Wilbrandus De Oldenborg. Leipzig, 1864. P. 109.; Frescobaldi L. Viaggio in Terrasanta // Pellegrini scrittori: viaggiatori toscani del Trecento in Terrasanta / A cura di A. Lanza e M. Troncarelli. Firenze, 1990. URL: [https://it.wikipedia.org/wiki/Viaggio_in_Terrasanta_\(Frescobaldi\)](https://it.wikipedia.org/wiki/Viaggio_in_Terrasanta_(Frescobaldi)) (дата обращения: 01.04.2023).

⁷ Poggibonsi N. Libro d'Oltramare... P. 311.

⁸ Del viaggio in Terra Santa fatto e descritto da ser Mariano da Siena nel secolo XV... P. 108.

⁹ Mylod E. J. Latin Christian Pilgrimage in the Holy Land... P. 145.

¹⁰ Neumann W. A. Drei mittelalterliche Pilgerschriften... S. 64.

¹¹ Frescobaldi L. Viaggio in Terrasanta...

¹² Sanseverino R. Viaggio in Terra Sancta... P. 169.

В. В. Никишков

магистрант 2 года обучения

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

ОБРАЗ ИМПЕРАТРИЦЫ ИРИНЫ ДУКИНЫ В «АЛЕКСИАДЕ» АННЫ КОМНИНЫ

«Алексиада» Анны Комнины – один из основных исторических источников по эпохе правления Алексея I Комнина. Это произведение может подробно рассказать о комниновской эпохе. Семья, брак, война, внутренняя и внешняя политика – все это подробно описывается автором в «Алексиаде».

Вместе с этим Анна Комнина воспроизвела в своем произведении яркие женские образы. В комниновскую эпоху некоторые знатные женщины получили большое политическое влияние, что не могло не отразиться на описании персонажей. Так, одной из наиболее интересных героинь «Алексиады» была императрица Ирина Дукина, жена императора Алексея и мать Анны Комнины. Именно с описания благородного происхождения Ирины начинается ее описание в Алексиаде: «Она была дочерью Андроника, старшего сына кесаря, происходила из знатной семьи и возводила свой род к знаменитым Андронику и Константину Дукам»¹. В то время происходила аристократизация политической системы Византии, поэтому благородное происхождение воспринималось как достоинство. Именно с указания на это начинается представление героини читателю.

Далее Анна восхваляет внешность своей матери: «Она была подобна стройному, вечноцветущему побегу, части и члены ее тела гармонировали друг с другом, расширяясь и сужаясь, где нужно»². Еще не раз мы увидим в «Алексиаде» подробное описание внешности Ирины. Физическая красота, особенно у женщин, с давних времен очень ценилась византийцами и была практически возведена в культ. Внешность, с одной стороны, считалась отражением духовных качеств человека и чистоты его души. С другой же – показателем здорового организма³.

Автор описывает и характер императрицы, все еще соответствующий женскому идеалу. Если верить Анне Комнине, императрица «обладала таким характером, что не хотела быть на людях, большей частью оставалась у себя дома и занималась своими делами: чтением книг святых мужей, молчаливыми размышлениями, а также благотворительностью»⁴. Такие черты императрицы, описанные в «Алексиаде», как скромность, благочестие и праведность – все это вполне соответствовало образу положительного женского персонажа⁵.

При этом, как пишет Анна Комнина, Ирина была вынуждена сопровождать самодержца во время его частых военных походов⁶. Для женщины, чья роль состояла в том, чтобы сидеть дома и реализовывать себя как мать и жена, было абсолютно нетипично сопровождать своего мужа в военных походах⁷.

Автор также объясняет, почему Ирина ходила в походы со своим мужем. С одной стороны, императрица могла вовремя дать императору хороший совет и

позаботиться о своем супруге, унять его боль, если нужно⁸. С другой же, вокруг Алексея уже плелись интриги, и Ирина помогала супругу бороться с разного рода недоброжелателями⁹.

Анна Комнина показывает Ирину любящей и заботливой женой, готовой на любые жертвы ради своего супруга. По словам Анны, императрица продолжала заботиться о своем муже до самого конца его жизни. Страдающий от неизвестной болезни император не мог вдохнуть полной грудью и чувствовал тяжесть. Императрица, слыша о страданиях мужа, как будто чувствовала то же самое¹⁰. Она продолжала искать лекаря, который смог бы излечить недуг императора, заботилась о нем. Ирина разделяла страдания своего супруга и даже чувствовала все, что чувствует он, продолжала ухаживать за ним и надеяться на его выздоровление¹¹.

Таким образом, Анна Комнина выделяет в Ирине, с одной стороны, вполне «женские» черты характера, но при этом образ императрицы все же несколько отходит от привычных канонов, поскольку героиня отправлялась в поход вместе со своим мужем. Но даже это отступление от идеалов поведения ромейской знатной женщины было сделано автором ради того, чтобы показать любовь героини к мужу-императору. Ирина нарушает некоторые устои, при этом все же оставаясь в роли положительного женского персонажа. Ее образ прекрасно отражает комниновскую эпоху и дает нам представление о том, какие качества могли считаться идеалом в византийском высшем обществе того времени.

Примечания:

¹ Анна Комнина. Алексиада / пер. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 121.

² Там же. С. 21.

³ Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 172.

⁴ Анна Комнина. Алексиада... С. 324.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Там же. С. 324.

⁷ Hill В. Imperial Women in Byzantium 1025–1204: Power, Patronage and Ideology. New York, 1999. P. 107.

⁸ Анна Комнина. Алексиада... С. 324.

⁹ Там же. С. 324.

¹⁰ Там же. С. 427.

¹¹ Там же. С. 431.

Э. Э. Отакулов

магистрант 2 года обучения

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(г. Москва)

ПАЛОМНИЧЕСТВО КАРЛА ВЕЛИКОГО В ИЕРУСАЛИМ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ: ОТ ИСТОРИИ К САТИРЕ

Фигура Карла Великого занимала одно из важнейших мест в коллективной памяти средневекового европейского общества, на протяжении столетий привлекая внимание не только историков, но и поэтов, а также их публики. Легенды о жизни

императора франков после его смерти распространились далеко за границы его империи. Постепенно официальная историография вобрала некоторые эпические сюжеты, трансформируя их в исторические сочинения.

Особенно интересны сюжеты, дошедшие до нас в двух полярных формах: эпосе и истории. Одним из таких является паломничество Карла Великого в Иерусалим и Константинополь, о котором повествует старофранцузская поэма «Le Pèlerinage de Charlemagne» и латинская история, именуемая по инципиту «*Descriptio qualiter Karolus Magnus*».

Предвосхитившая Первый крестовый поход, «*Descriptio qualiter*», дошедшая до нас во множестве списков, была составлена, предположительно, в 1079–1092 гг. Она повествует о походе Карла Великого на Восток с целью освободить Святую Землю от сарацин. «*Le Pèlerinage de Charlemagne*» известна по одной единственной рукописи, которая была похищена в 1879 г. Она была сочинена после Второго крестового похода, о чем свидетельствует ряд косвенных признаков. Сатирический тон поэмы иначе преподносит паломничество императора, насыщая его изрядной долей авантюризма и юмора.

В латинской истории Карл отправляется на помощь угнетенным христианам по просьбе иерусалимского патриарха и константинопольского императора, приобретаая черты Карла-крестоносца и божественного избранника, единственного достойного защитить Гроб Господень от язычников¹. Старофранцузская поэма начинается с анекдотического спора Карла с супругой, но спор этот касается Константинополя. В Иерусалим Карл отправляется, исполняя волю Господа, нарочито откладывая оружие и облачаясь в одеяния паломника. В поэме король франков предстает Карлом-паломником, чья власть от Бога, при этом Карл символически уподобляется Ему, возглавляя двенадцать прэвов-апостолов².

Карл Великий в «*Le Pèlerinage de Charlemagne*» образно противопоставляется слабому и нерешительному Людовику VII, чей поход в Святую землю оказался не столь удачным, а завязка сюжета является аллюзией на взаимоотношения Людовика со своей женой Алиенорой Аквитанской³.

Ключевой темой «*Descriptio qualiter*» является перенос реликвий Страстей Христовых из Константинополя в Ахен, а потом в Сен-Дени и Сен-Корней. История подчеркивает особую связь между реликвиями и монархом, а перенос превращается в «*translatio imperii*» от Христа через Константина Великого к Карлу Великому, позволяя читателю довести эту линию до Филиппа I, стремившегося символически представить себя преемником Карла⁴.

Автор «*Le Pèlerinage de Charlemagne*» высмеивает не только реликвии, уподобляя иерусалимского патриарха уличному торгашу, но и стремление правящей династии представить себя преемниками Карла Великого. Главным соперником Карла в поэме становится константинопольский император с необычным для византийцев именем – Гуго Лефорт. Император Гуго мог быть отражением короля Филиппа I в кривом зеркале сатиры. Имя Гуго Лефорта отсылает к основателю династии Гуго Капету, а также его прадеду, родоначальнику Робертинов Роберту Сильному. Карл Великий, выступавший в роли идеального правителя и символа

могущества франкских королей, в «Le Pèlerinage de Charlemagne» существует как бы в укор правящему королю и всей его династии.

«Descriptio qualiter Karolus Magnus» и «Le Pèlerinage de Charlemagne» являются отражением своего времени, политики, проводимой государями и восприятия этой политики глазами подданных. Карл Великий-крестоносец сменяется Карлом Великим-паломником, Константинополь спасенный сменяется Константинополем разрушенным, пение псалмов, сопровождающееся чудесами, сменяется хмельными пари, однако ядро истории сохраняется, преподносится легенду о Карле Великом, который в действительности никогда не бывал в Святой земле и в Византии, как исторический факт.

Примечания:

¹ Die Legende Karls des Grossen im 11. und 12. Jahrhundert, von Gerhard Rauschen. Mit einem Anhang von Hugo Loersch. Leipzig, 1890. S. 103–108.

² L'épopée pour rire. Le voyage de Charlemagne à Jérusalem et Constantinople et Audigier. Éd. par Alain Corbellari. Champion Classiques. Moyen Âge, T. 45. Paris, 2017. P. 134–141.

³ Ibid. P. 35, 58.

⁴ Gabriele M. An Empire of Memory: The Legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade. Oxford, 2011. P. 13–16.

П. А. Парфентьев

младший научный сотрудник

Институт всеобщей истории РАН

(г. Москва)

ФРАНКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЕЛИКОГО ЗАПАДНОГО РАСКОЛА¹

На рубеже XIV–XV вв. Франция оказывала активную военную поддержку Византийской империи в борьбе с османами, осадившими в 1394 г. Константинополь². Дипломатическое сотрудничество пришлось на время Великого западного раскола (1378–1417). Оказал ли он влияние на отношения между Францией и Византией? Ответ на этот вопрос стал целью данного исследования.

Раскол западной церкви привел к формированию двух центров силы: Рима и Авиньона, каждый из которых боролся за первенство в христианском мире. Поддержка византийским императором Мануилом II Палеологом (1391–1425) одной стороны привела бы к осложнению отношений с другой. Также это вызвало бы напряжение среди французского общества и духовенства, которое неоднозначно относилось к расколу³. Вместе с тем Мануил II Палеолог имел основания опасаться идти на сближение с католическим миром после неудачной попытки Иоанна V Палеолога (1341–1391) преодолеть схизму между Западной и Восточной церквями в 1368 г., что вызвало резкую негативную реакцию среди византийских элит и православного духовенства⁴.

В таких условиях императору Мануилу II Палеологу удалось добиться помощи Франции на основе взаимных военных и политических, а не религиозных интересов. В период с 1396–1402 гг. Мануил II Палеолог вел переговоры напрямую

с французским королем Карлом VI Валуа (1380–1422). Для военного сотрудничества Франции и Византии сложились благоприятные обстоятельства: Франция и Англия заключили перемирие в 1395 г.⁵, что развязывало Карлу VI Валуа руки для помощи Византии; король Венгрии Сигизмунд Люксембург, организовавший крестовый поход в 1396 г.⁶, добился поддержки и Авиньона, и Рима в вопросе общеевропейской борьбы с османами⁷.

О том, что Мануил II Палеолог старался избегать напряжения в переговорах с европейскими правителями в связи с потенциальным предпочтением Византией Рима или Авиньона, свидетельствует тот факт, что во время своего путешествия в Европу (1399–1403) император лично не посетил ни Рим, ни Авиньон, ограничившись отправкой туда послов с дарами⁸.

Таким образом, в ситуации раскола католической церкви Мануил II Палеолог не позволял втянуть себя в спор между Римом и Авиньоном и не прибегал к их посредничеству в переговорах с королем Франции. Благоприятная внешнеполитическая ситуация для Карла VI Валуа позволяла вести переговоры с византийским императором напрямую и оказывать ему поддержку. До окончания католического раскола и папа Иннокентий VII, и антипапа Бенедикт XIII оказывали материальную и политическую поддержку Византии, что не изменило политическую ситуацию в Малой Азии⁹. Все это позволяет сделать вывод о незначительном влиянии раскола католической церкви на развитие франко-византийских отношений на рубеже XIV–XV вв.

Примечания:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты».

² Ducas. *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks* / transl. with notes by H. J. Magoulias. Detroit, 1975. P. 83.

³ Кошон П. *Нормандская хроника* / пер., ст., комм. М. В. Аникиева. СПб., 2021. С. 82.; *Chronique du religieux de Saint-Denis* / ed. by M. L. Bellaguet. Paris, 1840. Т. 1. P. 83, 85.

⁴ Острогорский Г. А. *История Византийского государства* / пер. с нем. М. В. Грацианский. М., 2011. С. 642–643.

⁵ Фавье Ж. *Столетняя война* / пер. с франц. М. Ю. Некрасова. СПб., 2009. С. 395.

⁶ *The Chivalric Biography of Boucicaut, Jean II Le Meingre* / transl. with notes by C. and J. H. M. Taylor. Woodbridge, 2016. P. 58–59.

⁷ Atya A. S. *The Crusade of Nicopolis*. London, 1934. P. 34.

⁸ Пашкин Н. Г. *Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402–1438)*. Екатеринбург, 2007. С. 52.

⁹ Там же. С. 52–53.

Л. О. Раевский

Аспирант II года обучения

Тюменский государственный университет

(г. Тюмень)

СИСТЕМА ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ АЛЬБИ В XIV–XV ВВ.

Политическая система Альби в XIV–XV вв. была представлена тремя ветвями институтов власти: королевской, сеньориальной и городским самоуправлением. Каждая ветвь власти имела свои права и обязанности, и зачастую они соперничали между собой в вопросах управления городом.

Городское самоуправление было представлено в виде консулата. Он появился в Альби после альбигойских войн первой трети XIII в., когда город, ранее принадлежавший графу Тренкавелю, попал в сеньориальную зависимость от епископа. Грамоты 1220 и 1269 гг. разграничивали полномочия консулов и епископа и послужили основой для формирования этого нового для Альби института власти¹.

Обязанностями консулов были сбор налогов, поддержание порядка в городе, организация сторожевой службы, обороны города в случае войны, возведение и ремонт городских укреплений, поддержание дипломатических отношений с соседними городам.

Консулы избирались населением города сроком на один год. Впоследствии возможно было переизбрание, однако, как правило, лишь спустя четыре года после истечения срока предыдущего мандата. В отдельных же случаях по тем или иным причинам консулы могли не переизбираться два года подряд, как например это было в 1368–1369 гг. и 1369–1370 гг.²

Как правило, число консулов было равно 12 – каждый из 6 кварталов города избирал двух консулов. Во второй половине 1370-х гг. число консулов уменьшается до 6 человек, то есть по одному от каждого квартала. А в 1390-х гг. число консулов уменьшается до 4 человек³. Кроме этого, в число городских чиновников входили также нотариусы, казначей, аудиторы, глашатаи, капитаны города, посланцы.

Следовательно, система городского самоуправления включала в себя целый ряд чиновников. Все они избирались либо напрямую населением города, как например, консулы, либо городским советом, как все остальные чиновники. Однако наравне с этой системой существовала и сеньориальная власть епископа.

Сеньор утверждал кандидатуры всех чиновников городского самоуправления, все постановления, принятые консулами, и все договоры, заключенные городом. Под контролем епископа находились вопросы организации городской торговли и суда. Также епископ располагал собственной администрацией⁴.

Кроме этого, король также вмешивался во внутреннюю политику города посредством своих представителей. В первую очередь, это касается королевского вигье, который постоянно находился в Альби, и имел возможность влиять на принимаемые в городе решения⁵. Следующим по статусу королевским чиновником являлся сенешаль Каркассона. Замыкал же цепочку в этой иерархии лейтенант

короля в Лангедеке, являвшийся фактическим заместителем короля в регионе. Часто между местными сеньорами велась ожесточенная борьба за право получить эту должность, как, например, война между графом Фуа и герцогом Беррийским в 1380–1381 гг.⁶

Таким образом, политическая система Альби в рассматриваемый период была представлена несколькими институтами власти, соперничавшими между собой. Однако решение целого ряда вопросов, связанных с преодолением кризисных явлений XIV–XV вв. (Столетняя война, чума, финансово-экономические проблемы) требовало согласованных действий всех институтов власти. Изучение их взаимодействия крайне важно для понимания истории города в Позднем Средневековье.

Примечания:

¹ Biget J.-L. Histoire d'Albi. Toulouse, 1983. P. 8, 74.

² Douze comptes consulaires d'Albi du XIVe siècle / Éd. par A. Vidal. Albi, 1906–1911. Vol. 1. P. 37, 113.

³ Ibid. Vol. 2. P. 111.

⁴ Defolie E. Albi au Bas Moyen Âge: d'après le registre des délibérations municipales de 1372 à 1382. Toulouse, 1999. P. 69–70.

⁵ Ibid. P. 74.

⁶ Cabié E. Évènements relatifs à l'Albigeois pendant la querelle du comte de Foix et du duc de Berry, de 1380 à 1382. Albi, 1879.

А. А. Романова

магистрант 1-го года обучения

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

ИММИГРАЦИЯ АЛБАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ВЕНЕЦИАНСКИЙ НЕГРОПОНТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.¹

Важным миграционным процессом, отразившимся на этническом составе Восточного Средиземноморья в XIV в., стало рассредоточение албанского внутри этого региона. В первой половине XV в. также встречаются случаи переселения албанцев на находящийся под властью Венецианской республики о. Негропонт. В настоящей работе предпринимается попытка определить характер, причины и результаты албанской иммиграции на Негропонт в первой половине XV в.

По всей видимости, в начале XV в. Негропонт страдал от нехватки военного контингента, способного защитить остров от неприятелей. Так, в 1402 г. Негропонт находился в потенциальной опасности от Антонио I Аччайуоли, правителя Афинского герцогства, с которым Республика св. Марка находилась в военной конфронтации². В ситуации недостатка человеческих ресурсов правительство Венеции стало поощрять переселение албанцев на Негропонт с материка, предлагая им различные свободы и льготы: жалую им земли, освобождение от налогов и повинностей³. Привилегии даровались переселенцам с тем условием, что они будут обязаны защищать Негропонт⁴.

Переселение албанцев на венецианский Негропонт также осуществлялось в 20-е гг. XV в. Можно говорить о двух потоках албанской миграции на остров в этот период: из Афинского герцогства и из Валахии и Ливадии. Вероятно, оба потока были спровоцированы не целенаправленной иммиграционной политикой Венецианской республики, как это было в начале XV в., а какими-то иными причинами: возможно, турецкими набегами, землетрясениями, недовольством албанского населения качеством занимаемых ими сельскохозяйственных территорий на материке⁵. Известно лишь, что в 1425 г. негропонтский полк был уполномочен принять на острове около трехсот албанских семей, происходящих из Афинского герцогства⁶. Условия, на которых эти мигранты селились на Негропонт, отличались от условий переселения первой группы албанцев: Венеция не предлагала им освобождения от налогов и невоенных обязанностей несмотря на то, что их прибытие казалось ее правительству «очень ценным для общины Негропонта»⁷.

Переселенцам из Афинского герцогства не удалось остаться жить на острове, т. к. Антонио I Аччайуоли в 1425 г. потребовал возвращения ушедших албанцев. Венецианцы уступили давлению герцога. Приказывая своему правительству в Негропонте отпустить албанцев обратно на материк, венецианские сенаторы добавляли: «Другие албанцы, которых вы назвали полезными и послушными, которые прибыли туда [на Негропонт] из частей Ливадии и из Валахии, должны содержаться на острове»⁸. Так, можно сделать вывод о том, что до переселения албанцев из Афинского герцогства в 1425 г. на Негропонт мигрировала другая группа албанцев, о численности и дальнейшей судьбе которой ничего неизвестно.

Таким образом, потоки албанской иммиграции на Негропонт в первой половине XV в. не были однородными и одинаковыми по своим причинам и характеру. В каких-то случаях переселение албанского населения на остров было обусловлено собственной миграционной политикой Республики св. Марка, в каких-то случаях албанцы переселялись на остров, спасаясь от опасностей на материке. Так или иначе, в первой половине XV в. Венецианская республика не препятствовала албанской иммиграции. Во многом это было связано с тем, что в сельской местности острова не хватало рабочей силы, в периоды опасности Негропонт особенно нуждался в воинах. Албанские переселенцы были важным человеческим ресурсом, в котором нуждалось венецианское правительство Негропонта.

Примечания:

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

² Грегоровиус В. История города Афин в Средние века. М., 2009. С. 552.

³ Jacoby D. The Demographic Evolution of Euboea under Latin Rule, 1205-1470 // The Greek Islands and the Sea, Proceedings of the First International Colloquium held at the Hellenic Institute, Royal Holloway, University of London, 21-22 September 2001. Camberley, 2004. P. 173.

⁴ Sathas K. Mnēmeia hellēnikēs historias. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. Т. II. Paris, 1881. P. 79–80.

⁵ Грегоровиус В. История города Афин... С. 577–578.

⁶ Sathas K. Mnēmeia hellēnikēs historias... Т. III. Paris, 1882. P. 287–88.

⁷ Ibid. P. 287–88.

⁸ Ibid. P. 319–320.

А. В. Светушкина

студент 3 курса

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

(г. Москва)

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ НАЧАЛА XVI В. НА СОДЕРЖАНИЕ ЖИВОПИСНОГО ЦИКЛА КАРПАЧЧО ИЗ СКУОЛЫ САН ДЖОРДЖО ДЕЛЬИ СКЪЯВОНИ В ВЕНЕЦИИ

В начале XVI в. Витторе Карпаччо получил заказ на украшение здания Скуолы Сан Джорджо дельи Скьявони, сформированной братством далматинских эмигрантов в Венеции. С 1502 по 1507 гг.¹ художник создал 9 полотен, посвященных святым Скуолы. Точных свидетельств о заказчиках цикла и их намерениях практически не сохранилось. На данный момент исследователи среди наиболее вероятных патронов выделяют С. Микеле², приора ордена Госпитальеров, А. Леонино³, папского легата, и П. Валларессо⁴, коменданта крепости Корони, участника войны с Турцией.

Изучая исторические хроники и содержание картин, мы обнаружили серьезные хронологические противоречия. Ни один из возможных заказчиков не мог быть причастен к циклу на протяжении всего времени его создания. Догадку о смене патронов подтверждает сравнение эскизов, рентгенограмм и нынешнего вида картин. На полотнах «Призвание апостола Матфея» и «Ведение Св. Августина» видны попытки скрыть участие предыдущих заказчиков: изменен портрет С. Микеле, портрет А. Леонино в образе Св. Августина⁵ стал посмертным изображением кардинала Виссариона Никейского⁶.

Приор и папский легат, христианские религиозные деятели, были заинтересованы в пропаганде добродетелей через живописные полотна цикла (о символике: Э. Палаццо⁷, Г. Матино⁸). Они подходят на роль заказчиков двух библейских сюжетов и трех картин о Св. Иерониме. В этих произведениях события помещаются в знакомые современникам локации: венецианский банк в «Призвании апостола Матфея»⁹, здание самой Скуолы в двух полотнах о Св. Иерониме.¹⁰

Но в разгар третьей турецко-венецианской войны и конфликта Венеции с Ватиканом Скуола оказалась в центре политической борьбы между церковью и светскими властями. В результате приор и папский легат были отстранены. Вероятно, главным патроном стал П. Валларессо, пожертвовавший Скуоле реликвию Св. Георгия¹¹, потому что в трех новых картинах проводится параллель между борьбой добра и зла и противостоянием христианского и исламского мира, что является аллюзией на происходящие события. О смене заказчиков говорит переход к вымышленным восточным мотивам в более поздних полотнах. Точкой отсчета становится картина «Похороны Св. Иеронима». Отсутствующие на эски-

зе восточные элементы появляются в окончательной версии картины. Например, мангуст скорее всего выступает параллелью на полотно «Битва Св. Георгия с драконом». По средневековым текстам, он является противником крокодила и символизирует победу Христа над дьяволом.¹²

Самая интересная деталь – появление фигуры всадника и изменение позы льва на более агрессивную. Лев – не только спутник св. Иеронима, но и символ Св. Марка, покровителя Венецианской республики. Он огрызается на вооруженного «гостя» с Востока на гарцующем коне, олицетворяя конфликт Османской империи и Венеции, затихший в 1503 г., но не оконченный.

Примечания:

¹ Carpaccio: the Major Pictorial Cycles / S. Mason; transl. by A. Ellis. Milano, 2000. P. 110–111.

² L'opera completa del Carpaccio / Presentazione di Manlio Cancogni; Apparati critici e filologici di Guido Perocco. Milano, 1967. P. 97.

³ Brown P. F. Carpaccio's St. Augustine in His Study // Augustine in Iconography: History and Legend / ed. by J. C. Schnaubelt and F. Van Fleteren. New York, 2003. P. 516.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 516–517.

⁶ Ibid. P. 521.

⁷ Palazzo E. Anachronic Limitations: A Medieval Reflection on the Scuola di San Giorgio degli Schiavoni // Codex Aquilarensis. 2021. № 37. P. 427–447.

⁸ Matino G. Standing at the Threshold: Carpaccio's Saint Matthew Reconsidered // Confraternitas. 2021. Vol. 32, № 1. P. 55–80.

⁹ Matino G. Standing at the Threshold... P. 60.

¹⁰ L'opera completa del Carpaccio... P. 98.

¹¹ Zanlorenzi S. The Scuola Dalmata di San Giorgio e Trifone. A Place for the Dalmatian Community in Venice // Cultural Heritage. Scenarios 2015–2017 / ed by S. Pinton and L. Zagato. Venezia, 2017. P. 578–579.

¹² Физиолог / изд. подгот. Е. И. Ванеева; отв. ред. Л. А. Дмитриев. СПб., 2002. С. 27.

С. С. Таскаева

студент 3 курса

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

ОБРАЗ КОНКИСТАДОРА В ТРУДАХ БАРТОЛОМЕ ДЕ ЛАС КАСАСА

Современные международные отношения переживают новый виток своего развития, на фоне обострения взаимоотношений между странами Востока и Запада наблюдаются определенные сложности в выстраивании межкультурного диалога между европейскими и азиатскими государствами. XXI в. возродил интерес к эпохе колониальных империй. Этот период стал временем, когда неоколониализм приобрел глобальный характер и стал одним из векторов политики ряда европейских государств. В рамках данной темы представляется логичным рассмотрение процесса освоения Нового Света, когда началось одно из масштаб-

ных подобного рода взаимодействий народов и культур в эпоху только зарождающейся глобализации.

На протяжении пятисот лет в историографии отсутствует единое мнение об образе конкистадора в эпоху испанского завоевания. Научное знание поляризовалось на две противоположные точки зрения, представленные в рамках «черной» и «розовой» легенд.

Жестокость завоевателей и их насильственные действия по отношению к коренному населению Нового Света наиболее полно раскрывает один из современников эпохи Великих географических открытий – Бартоломе де Лас Касас. В своих произведениях «Истории Индии» и «Кратчайшем сообщении о разрушении Индии» автор приводит основные аргументы, касающиеся образа «рыцарей удачи», которые можно рассматривать в контексте «черной» легенды о европейских завоевателях Нового света. Однако приводимые им сведения о конкистадорах неоднозначны.

Рассуждая о мотивах убийств, разорении племен, насильственной эксплуатации аборигенов испанцами¹, автор указывает, что большая часть конкистадоров были людьми, обладающими теми же пороками, что и индейцы. Рассматривая последовательность действий аборигенного населения Нового Света и испанцев, автор находит оправдание первым. Автор убежден, что деспотичные действия конкистадоров провоцировали не менее жестокие действия со стороны индейцев: «Индейцы были оскорблены в своих лучших чувствах и преисполнены печали, и имели все основания восстать и убить любого испанца, который попадетя им под руку»². Более того, нередко конкистадоры оказывались гуманнее в своих поступках, чем те племена, которые им приходилось встречать на осваиваемой территории³.

Де Лас Касас отмечает, что одной из главных целей странствий конкистадоров было личное обогащение: «На пути к осуществлению этих целей стояли алчущие все новых и новых земель, золота и рабов конкистадоры»⁴. Однако этому потворствовали сами индейцы, считая испанцев детьми, которых легко ублажить, постоянно откупаясь: «Чем больше посылал Монтесума испанцам золота, настаивая, чтобы они уходили, тем сильнее он разжигал их вожделения, невольно подстрекал их ворваться к нему и отобрать все золото силою»⁵.

Де Лас Касас считал, что не все конкистадоры стремились к убийствам и издевательствам над коренным населением Нового Света. Для испанцев и индейцев в ту эпоху были характерны как военные, так и мирные способы выстраивания взаимоотношений. Например, «между населением островка Саона и испанцами, которые жили в этом порту и городе Санто Доминго, существовали тесные связи и дружба»⁶.

Таким образом, облик конкистадора, отраженный Лас Касасом в его произведениях, не всегда так однозначно негативен, а поступки завоевателей нередко представлены как реакция на действия индейцев. Все это обличает спорность отнесения сведений автора об испанских завоевателях исключительно к «черной» легенде о конкистадорах. Действия завоевателя нельзя рассматривать в отрыве

от политики испанской правящей династии, а также культурных особенностей населения Нового Света.

Примечания:

¹ Лас Касас Б. Кратчайшее сообщение о разрушении Индий / пер. с исп. Е. А. Мелентьевой // Латинская Америка: Голос Лас-Касаса. 1975. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus13/Las_Kasas/kratk_soobsc.phtml?id=794 (дата обращения 16.02. 2023).

² де Лас-Касас Б. История Индий. СПб., 1966. С. 21.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 377.

⁶ Там же. С. 59.

Е. Р. Урюмцев

магистрант 2 года обучения

Новосибирский государственный университет

(г. Новосибирск)

**«MONTJOIE! SAINT DENIS!»: РЫЦАРСКИЕ КОНТИНГЕНТЫ НА
СЛУЖБЕ ФИЛИППА II АВГУСТА (1202–1214 ГГ.)**

Для эпохи Высокого средневековья война являлась повседневной реальностью. Постепенно война как явление замкнулось и монополизировалась рыцарским сословием. Тяжеловооруженные всадники стали незаменимым военным инструментом; массивный таранный удар рыцарской кавалерии стал аргументом, решающим исход большинства сражений. Помимо этого, за рыцарями стояли территории и люди, и по количеству рыцарей стал определяться уровень политических возможностей. Как на поле боя, так и в управлении рыцарь – это главный символ Средних веков, выполняющий значимую социально-политическую и военную функцию.

Несмотря на общий феодальный характер, армия Филиппа Августа имела качественные отличия. Во-первых, после утверждения королевской бюрократии все сведения об армии стали заноситься в описи и акты. Во-вторых, чиновники могли возлагать на себя функции командного состава и руководить, совмещая войну с заботами о снабжении и отчетах. Все это помогало облегчить управление в условиях феодальной анархии.

Главной частью французского войска являлись рыцари. По данным Общего счета доходов короля за 1202 г. в королевской армии числилось 257 рыцарей, принесших оммаж королю. К этому следует добавить феодальные контингенты, собиравшиеся в случае войны и составляющие в 1214 г. порядка 1000 рыцарей в одной армии (*по арьербану*). Со сбором рыцарей ситуация обстоит более сложно. Феодальный принцип гласил помогать королю «всеми силами», однако на деле вассалы предоставляли лишь часть своих войск. Например, герцог Нормандский мог оказать помощь в виде 581 рыцаря, однако королю Франции предоставил лишь треть. Герцогство Бретань из должных 166 рыцарей обеспечила королю лишь 40 и т.д. Кроме того, добиться прихода даже этих ограниченных контингентов было сложной дипломатической задачей. Феодальная служба составляла для

рыцарей 40 дней, а после королю необходимо было придумывать способы «воздать» оставшимся рыцарям. Так, при определенных договоренностях с королем рыцари могли остаться на жаловании в армии. Эта мера хоть и соответствовала потребностям короля в некоем подобии «постоянного» войска, но все же не позволяла оторвать рыцарей-управленцев от своих земель на значительный срок.

Рыцари также делились на несколько категорий внутри своей структуры. В основном это было связано с происхождением или обеспеченностью. Высшие дворяне носили статус рыцаря-баннерета, ведущих за собой своих людей. Размер баннера варьировался в зависимости от статуса и возможностей. Далее шли рыцари-башелье. Максимум полномочий на который могли рассчитывать рыцари – это экюйе, составлявшие большинство, и обычные шевалье. Все они были рыцарями, включая и самых могущественных людей королевства. В армейских списках отдельно выделяют только рыцарей-баннеретов, ввиду того что их жалование – самое высокое среди рыцарей. Все остальные числятся шевалье, и различить их подробнее весьма затруднительно.

Жалование рыцарей составляло 6 су в день. Структуры рыцарей делили на два порядка: высший и нижний. Высшие рыцари – это те, кого титуловали герцогом, графом или бароном; остальные нетитулованные, но имеющие качество баннерета и поднимавшие знамя, как только достигали совершеннолетия. Суммы, выплачиваемые рыцарям королем, должны рассматриваться как *подарки*, а не как жалование. Достоинство великих сеньоров не позволяло им брать зарплату от короля. Поэтому король щадил их чувства, вознаграждая их службу, а не платя за нее. Схожая ситуация касалась и рыцарей нижнего порядка.

Защитный и наступательный комплект рыцарей собрал в себе все самое лучшее в технологическом плане, что было возможно в условиях исторической действительности Высокого средневековья; именно вооружение и защита позволяли рыцарству действовать самостоятельно, осуществлять таранный удар и играть решающую роль в сражениях на открытой местности.

Б. М. Фролов

аспирант I года обучения

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ДРАМА В ВОСПРИЯТИИ ИОАННА ЦЕЦА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Факт наличия у Иоанна Цеца интереса к древнегреческой драме известен в византистике довольно давно. Еще К. Крубмахер, обозревая работы Цеца, указал, что в нескольких рукописях содержатся его комментарии к комедиям Аристофана¹. Целиком выделить эти схолии в манускриптах удалось нидерландскому исследователю В. Костеру², который опубликовал отдельным изданием схолии к Аристофану, в том числе схолии Цеца³.

Видный британский византинист Р. Браунинг, обратившись к работам Цеца об истории и структуре трагедии и комедии, охарактеризовал их как набор информации и дезинформации, который не смог привести ни к каким результатам⁴.

Корифей австрийской византистики Г. Хунгер, изучая схолии Иоанна Цеца к Аристофану, обратил внимание на учебное назначение этих комментариев, их научную значимость и отметил черты личности Цеца, отраженные в этом тексте, такие как склонность к агрессивной полемике, консерватизм при разрешении разночтений, неприятие «похабных» элементов комедий⁵. Однако каких-либо объяснений интереса к драме им не было предложено.

В отечественной науке обзор трактатов Иоанна Цеца о драматических жанрах провели Л. А. Фрейберг и Т. В. Попова, которые пришли к выводу, что Цец довольно бессистемно нанизал разнообразные сведения из множества источников, но, тем не менее, его компиляция обладает несомненной ценностью для исследователей византийской филологии⁶.

Британский исследователь Н. Уилсон является одним из немногих, кто использовал схолии Иоана Цеца к Аристофану в качестве источника для характеристики личности и творчества византийского эрудита, и даже попытался дать объяснение нескольким фрагментам, однако он же и отметил, что исследовательский потенциал этих сочинений Цеца таков, что они еще ждут своего исследователя⁷.

Насыщенность византийской литературной жизни XII в. американский исследователь Т. Конли иллюстрировал с помощью работ Иоанна Цеца о древнегреческой драме. Он показал, что мотивация Цеца как литературного критика заключалась не просто в интересе к сохранению традиционных стандартов. Таким образом его творчество выходило далеко за рамки архаизирующих высказываний⁸.

Значительный вклад в изучение творчества византийского интеллектуала внес датский исследователь О. Смит, который привел аргументы того, что Цец является также автором схолий к Эсхилу из группы А (схолии к Эсхилу в основном анонимны). По его мнению, на авторство Цеца достаточно точно указывает стиль комментария и используемая техника перефразирования⁹. Однако, данная гипотеза пока не получила поддержки, и авторство Цеца данных схолий по-прежнему остается спорным¹⁰.

Таким образом, до настоящего времени исследователи обращались к взглядам Иоанна Цеца на драму лишь спорадически. Вопросы о том, какие достоинства Цец находил в комедиях и трагедиях и почему вообще он так подробно занимался этими пьесами, пока оставлены без ответа.

Примечания:

¹ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur: Von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches, (527–1453). München, 1897. S. 532.

² Koster W. J. W., Holwerda D. De Eustathio, Moschopulo, Planude Aristophanis commentatoribus // Mnemosyne. 1954. Vol. 7. Fasc. 2. P. 149.

³ Joannis Tzetzae Commentarii in Aristophanem / ed. W. J. W. Koster, L. Massa Positano, D. Holwerda. Fasc. I (Prolegomena, Plutus), Groningen; Amsterdam, 1960; Fasc. II (Nubes).

1960; Fasc. III (Ranae, Aves, Equites). 1962; Indices. 1964.

⁴ Browning R. Byzantine Scholarship // *Past & Present*. 1964. No. 28. P. 15.

⁵ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 2. Philologie-Profandichtung-Musik-Mathematik und Astronomie-Naturwissenschaften-Medizin-Kriegswissenschaft Rechtsliteratur. München, 1978. S. 61–62.

⁶ Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета / отв. ред. М. А. Гаспаров. Москва, 1978. С. 116.

⁷ Wilson N. G. *Scholars of Byzantium*. London, 1996. P. 195.

⁸ Conley T. M. Byzantine Literary Theory and Criticism // *The Cambridge History of Literary Criticism*. Volume 2: The Middle Ages. Cambridge, 2005. P. 686.

⁹ Smith O. L. The A Commentary on Aeschylus: Author and Date // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1980. Vol. 21. No. 4. P. 399.

¹⁰ Dickey E. *Ancient Greek Scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from Their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford, 2007. P. 31.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ДРЕВНИЙ МИР	3
<i>АПЕНКО М. С.</i> Забота о священных животных как элемент пропаганды в Египте Птолемеев	3
<i>ДЖУГАН А. В.</i> Агон в античной медицине: соревновательные практики во врачевании в поиске пайдей.....	4
<i>ЗАЙЦЕВА Е. С.</i> Восстановление репутации после <i>damnatio memoriae</i> в поздней античности (пример Никомаха Флавиана)	6
<i>ИСМАГИЛОВА Ю. Д.</i> Западно-римские консулярии как источники сведений о смерти Грациана для позднеантичных историков	7
<i>МИРОШНИЧЕНКО Е. И.</i> Бежать на Киферу или ожидать варваров: <i>τροπή</i> Синесия Киренского в ситуации кризиса позднеантичного эллинизма	8
<i>НИЗАМОВА Э. Р.</i> Запах как код сельского и городского сообществ древних Афин (по комедиям Аристофана).....	10
<i>РУБЦОВ М. А.</i> Медиолан как христианская столица римской империи IV в.: визуальный облик	12
<i>СИМАКОВ М. А.</i> Галльское племя аллоброгов в условиях войны между цезарианцами и помпеянцами	13
<i>СОЛОПОВ Н. В.</i> Особенности нарратива о деятельности Сената в сочинении Диона Кассия «Римская история»	15
Раздел II. СРЕДНИЕ ВЕКА	17
<i>БЕЛОРУССОВА Т. Е.</i> Правовой статус греческого населения в Ахейском княжестве (XIII–XIV вв.).....	17
<i>ВАДОВ Н. В.</i> Образы власти в правление Филиппа IV Красивого	19
<i>ДУДИНА А. А.</i> Родительские чувства и воспитание ребенка в западноевропейской семье XII–XV вв.	20
<i>ЕВСТЮНИН В. А.</i> <i>Victualium</i> в письме на тосканском <i>volgare</i> из средневековой Кафы: к вопросу о написании и значении термина	22
<i>ЖИГАЛОВА Н. Э.</i> Вмешательство византийских императоров во внутрдинастические конфликты османов в первой четверти XV в.	24
<i>ИЛЬГОВА Д. А.</i> Роль визуального медиума в древнеирландской поэзии на примере стихотворения « <i>Pangur Bán</i> »	25
<i>КАРАШАЙСКИ К. М.</i> Обращение императора Константина VII к восточным стратигам: имперская пропаганда в отношении иноземных наемников	27
<i>КОВШИКОВ Н. А.</i> Образ основателей риги в « <i>Cronicon Lyvoniae</i> » Генриха Латвийского	29

<i>КУЛЕШОВ Н. В.</i> Сербия в османской политике конца XIV – начала XV вв.: вассал или союзник?	30
<i>МАСТЯЕВА И. Н.</i> Проблема монашеской дисциплины в аббатстве Сен-Виктор в Марселе на рубеже XIII–XIV вв.	32
<i>МИРОНОВ М. В.</i> Между венграми и османами: сербская дипломатия 1427–1444 гг. по материалам византийских источников	33
<i>МИХАЙЛОВА П. Д.</i> «История Кано мак Гартнайна»: проблемы и лакуны в хронологии и генеалогии	35
<i>НЕВОЛИНА Д. Ю.</i> Природа Святой Земли в восприятии итальянских паломников XIII–XV вв.	37
<i>НИКИШКОВ В. В.</i> Образ императрицы Ирины Дукины в «Алексиаде» Анны Комнины	39
<i>ОТАКУЛОВ Э. Э.</i> Паломничество Карла Великого в Иерусалим и Константинополь: от истории к сатире	40
<i>ПАРФЕНТЬЕВ П. А.</i> Франко-византийские отношения в контексте Великого западного раскола	42
<i>РАЕВСКИЙ Л. О.</i> Система городского управления Альби в XIV–XV вв.	44
<i>РОМАНОВА А. А.</i> Иммиграция албанского населения на венецианский Негропонт в первой половине XV в.	45
<i>СВЕТУШКИНА А. В.</i> Влияние событий начала XVI в. на содержание живописного цикла Карпаччо из Скуолы Сан Джорджо дельи Скьявони в Венции	47
<i>ТАСКАЕВА С. С.</i> Образ конкистадора в трудах Бартоломе де Лас Касаса	48
<i>УРЮМЦЕВ Е. Р.</i> «Montjoie! Saint Denis! » : рыцарские контингенты на службе Филиппа II Августа (1202–1214 гг.)	50
<i>ФРОЛОВ Б. М.</i> Древнегреческая драма в восприятии Иоанна Цеца: историографический аспект	51

Научное издание

SCHOLIA STUDIORUM IV:
пространство исторического нарратива.

Тезисы докладов и сообщений
Всероссийской научной конференции
молодых антиковедов и медиевистов,
Екатеринбург, 7–8 апреля 2023 г.

Материалы докладов издаются в авторской редакции.
За содержание статей, точность приведенных фактов и цитирование
несут ответственность авторы публикаций

Оригинал-макет подготовлен И.С. Охлупиной

Электронное сетевое издание размещено в архиве УрФУ
<https://elar.urfu.ru>

Подписано в печать 20.11.2023
Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 2,74. Объем данных 1,53 Мб.
Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>